

УДК 1(091):159.955.6

**БЛУЖДЕНИЕ В ФИГУРАХ СИЛЛОГИЗМА:
О ВОЗМОЖНОЙ КОГНИТИВНОЙ
СИЛЛОГИСТИКЕ КАНТА**

**WANDERINGS IN SYLLOGISTIC FIGURES:
ON KANT'S POSSIBLE COGNITIVE
SYLLOGISTICS**

Л. С. Сироткина¹L. S. Sirotkina¹

В трактате И. Канта «Ложное мудрствование в четырех фигурах» просматриваются логический, гносеологический и когнитивно-психологический содержательные пласты. Три ракурса репрезентации умозаключений практически не дифференцированы. В первой части статьи обсуждается логическое и онтолого-гносеологическое содержание трактата с целью выявить предпосылки когнитивной интерпретации силлогизмов. Во второй части предпринимается попытка эксплицировать когнитивное содержание работы и дать системное представление когнитивных свойств силлогизмов в кантовском их видении. Кантовский силлогизм характеризуется как интеллектуальное действие, направленное на устранение возникшей в познании ситуации неотчетливости и состоящее из нескольких мыслительных процедур. Когнитивные свойства силлогизмов обнаруживаются в общей характеристике Кантом умозаключений и в частных признаках отдельных фигур. В третьей части статьи решается задача реконструкции возможной когнитивной силлогистики Канта в тех аспектах, которые просматриваются в его трактате, но им не обсуждаются. Основания реконструкции усматриваются в различении Кантом двух способов формулирования умозаключений, один из которых он обозначает термином «в форме суждений». Исходя из этого различаются формальный и «онтологический» силлогизмы по типу связей между частями посылок. Онтологический силлогизм характеризуется как соответствующий, в отличие от формального, высшим правилам по своему содержанию. На этом основании процедура построения вывода даже по совер-

Kant's treatise "The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures" has logical, epistemological, and cognitive-psychological implications. These three perspectives on his conclusions are practically undifferentiated. The first part of this article discusses the logical and ontological-gnoseological content of the treatise in order to reveal the prerequisites for the cognitive interpretation of syllogisms. The second part is an attempt to explicate the treatise's cognitive content, i.e. a systemic representation of the cognitive properties of syllogisms, as understood by Kant. Kant's syllogism is characterised as an intellectual act aimed at eliminating opaqueness in cognition and consists of several mental procedures. The cognitive properties of syllogisms are discoverable in Kant's general characterisation of syllogisms, as well as in the characteristic marks of individual figures. The third part is an attempt to reconstruct Kant's cognitive syllogistics from angles which can be discerned, but are not explicitly discussed, in the treatise. This reconstruction is based on the distinction Kant draws between two modes of formulating conclusions, one of which is "in the form of judgements". Here, formal and "ontological" syllogisms are distinguished by the type of relation that obtains between parts of the premises. An ontological syllogism, unlike the formal kind, conforms to the most stringent rules in terms of content. The procedure of making an inference, even according to a perfect figure, is described as 'composite', involving, as it does, the transformation of a formal syllogism into an ontological one, or the supplementing of the formal

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта. Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14.

Поступила в редакцию: 05.04.2024 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-1-1

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University.
14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia.

Received: 05.04.2024.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-1-1

иенной фигуре описывается как составная – предполагающая трансформацию формального силлогизма в онтологический либо восполнение формального силлогизма промежуточным выводом, подводящим части силлогизма под категории, содержащиеся в высших правилах. Ошибки построения выводов в индивидуальной когниции связываются с использованием в ней «формы суждений», затемняющей связи, ясное представление которых необходимо для следования высшим правилам. В заключении статьи системно характеризуется когнитивное содержание трактата, а также намечаются когнитивистские исследовательские перспективы, порождаемые идеями трактата и связанные с изучением разворачивания силлогизмов в когнитивной реальности.

Ключевые слова: Кант, докритический период, «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма», логическая процедура, силлогизм, когнитивная силлогистика

1. Введение

«Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма» – небольшой по объему и интеллектуальным усилиям автора (по его собственному утверждению) докритический трактат И. Канта. Всякого, кто сколько-нибудь слышал о содержании традиционной логики, название обращает к логической проблематике и отсылает к аристотелевской силлогистике (с последующими ее дополнениями): в работе автор обсуждает целесообразность выделения и изучения четырех фигур силлогизма.

Идея Канта состоит в том, что различение и вообще конструирование силлогистических форм, определяемых разными положениями среднего термина в посылках, не только нецелесообразно, но вредно и не соответствует назначению логики вносить простоту и ясность в исследуемые объекты. Положения логики о второй – четвертой фигурах силлогизма, согласно позиции Канта, не могут давать «самое ясное понятие об умозаключениях». Поэтому они не могут быть предметом логического изложения, так как «цель логики – не запутывать, а

syillogism with an intermediate inference which brings the parts of the syllogism under the categories contained in the highest rules. Errors in inferences in individual cognition are attributed to the use of the “form of judgements”, which obscures the connections that must be clearly understood according to the highest rules. In conclusion, the author systematically presents the cognitive content of the treatise and outlines cognitive pathways that are generated by the ideas of “The False Subtlety” and connected with the study of the unfolding of syllogisms in cognitive reality.

Keywords: Kant, pre-critical period, “The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures”, logical procedure, syllogism, cognitive syllogistics

1. Introduction

“The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures” is Kant’s relatively modest pre-critical piece, both in terms of its size, and the effort that went into writing it (according to Kant’s own admission). For anyone at all familiar with the subject of logic, the title conjures up Aristotelian syllogistics (and subsequent additions to it); the content addresses the practicability of isolating and studying the four syllogistic figures.

Kant argues that distinguishing and constructing syllogistic forms determined by different positions of the middle term in the premises is unhelpful, and even harmful because it is at odds with the mission of logic: to bring simplicity and clarity to the objects of investigation. Kant maintains that logic’s judgements on syllogistic figures II–IV cannot “represent the syllogism in clearest form” (*DfS*, AA 02, p. 56; Kant, 1992b, p. 99). Therefore, they cannot be the object of logical presentation since “the purpose of logic [...] is not to confuse but to clarify, its aim is not to obscure but clearly to reveal [...]” (*ibid.*). Kant describes the distinction of several figures and different modes in logical theory as “false subtlety”.

распутывать, не излагать что-то в скрытой форме, а достигать ясности...» (AA 02, S. 56; Кант, 1994б, с. 34). Разграничение в логической теории нескольких фигур и разных модусов Кант характеризует как «ложное мудрствование».

Причина столь категоричной оценки излагается в трактате явно. Модусы трех «не-нужных» фигур посредством процедур непосредственных выводов сводятся к модусам первой – совершенной, чистой – фигуры. Ее чистота обуславливается тем, что «одна только она содержит в себе всю силу вывода» (AA 02, S. 58; Там же, с. 37). Эта «сила», в свою очередь, определяется тем, что только по первой фигуре вывод непосредственно строится по «высшим правилам» всех умозаключений (*Nota notae*, далее – NN, и *Repugnans notae*, далее – RN). В остальных фигурах расположение терминов таково, что прямое применение высших правил оказывается невозможным.

Сводится ли содержание трактата к изложению идей, известных со времен Аристотеля (Луканин, 1984, с. 108)? Является ли оно исключительно логическим? Можно ли утверждать, что Кант, полагавший едва ли не бессмысленной случайностью возникновение в истории логической мысли учения о трех из четырех возможных фигур силлогизма и пустой тратой времени последующее изучение этих искусственных конструкций, тратил собственные силы на обсуждение манипуляций терминами посылок?

Полагаю, что на этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Работа Канта, на мой взгляд, многослойна: в ней помимо собственно логического просматривается гносеологическое и когнитивно-психологическое содержание². Логические и гносеологические аспекты трактата проанализированы в работах А. Беслера, В. Н. Брюшинкина, А. Ванзо, М. Ватаву,

² Следуя идеям В. Н. Брюшинкина (Брюшинкин, 2004), в трактате можно усмотреть и проблематику философии логики, а именно обращение к проблеме соотношения логических процедур и естественного мышления в контексте поиска посылок для вывода и обоснования самого вывода (в современной терминологии – поиска вывода).

The reason for such a categorical assessment is explicitly stated in the treatise. Through procedures of immediate inference, the modes of the three “unnecessary” figures are reducible to the first, perfect and pure, figure. Its purity is due to the fact that it “has the power to generate the conclusion” (*DfS*, AA 02, p. 58; Kant, 1992b, p. 102). This “power”, in turn, is determined by the fact that it is only in the first figure that the conclusion is drawn according to the highest rules of all syllogisms (*Nota notae*, elsewhere NN, and *Repugnans notae*, elsewhere RN). The position of the terms in all the other figures precludes the direct use of the highest rules.

Does the content of the treatise boil down to a rendering of ideas known since Aristotle (Lukanin, 1984, p. 108)? Is it concerned solely with logic? Is it the case that Kant, who believed that the emergence of the doctrine of three out of four possible syllogistic figures was little short of an accident and that subsequent study of these artificial constructs was a waste of time, himself, expended effort on discussing manipulations of the terms of premises?

I think the answer to these questions must be negative. In my view, Kant’s work has multiple layers: in addition to the logical, it has also epistemological and cognitive-psychological content.² The logical and epistemological aspects of the treatise have been analysed in the works of Arman Besler, Vladimir N. Bryushinkin, Alberto Vanzo, Mihaela Vatavu, Konstantin V. Lemeshevsky, Huaping Lu-Adler, and Kirk D. Wilson.³

² Following Vladimir Bryushinkin (2004), one can discern in the treatise reference to problems in the philosophy of logic, viz., the problem of the relation between logical procedures and natural thinking, in view of the search for premises for deduction and grounding of the conclusion itself (deduction-search, in modern terminology).

³ The logical-epistemological aspects of the treatise have been discussed in the context of the study of Kant’s

К. В. Лемешевского, Х. Лу-Адлер, К. Уилсона³. Однако в когнитивном ракурсе кантовская работа не была самостоятельным предметом анализа. Некоторые несистематические замечания подобного рода обнаруживаются в статьях А. Беслера, А. Ванзо, М. Ватаву, Д. Далла Росы, Х. Лу-Адлер. Когнитивные ремарки сосредоточены в рамках трех контекстов. Контекст 1 — природа кантовского силлогизма. Лу-Адлер (Lu-Adler, 2015) и Далла Роса (Dalla Rosa, 2020) подчеркивают ее процессуальный характер для несовершенных модусов. Беслер, противопоставляя выводы по первой и прочим фигурам, усматривает вероятное различие в том, что вторые возможны только в когнитивной реальности (Besler, 2022). Контекст 2 — правила несовершенных модусов и их познавательный статус. Далла Роса рассматривает их применение как когнитивный акт, состоящий из трех операций, и отмечает дескриптивный (для когнитивной реальности) характер этих правил в отличие от нормативности правил первой фигуры (Dalla Rosa, 2020). Контекст 3 — кантовское видение возможности рассуждений по несовершенным модусам только через редукцию к модусам первой фигуры. Беслер выдвигает тезис о том, что подобный способ рассуждения не соответствует тому, что происходит в реальном познавательном процессе (Besler, 2022).

В свете когнитивного поворота современной науки соответствующее прочтение трактата Канта открывает определенные исследовательские перспективы. В этой связи в статье предпринимается попытка дифференцировать

³ Логико-гносеологические аспекты трактата проанализированы в контексте изучения кантовской оценки роли силлогизмов в познании (Vanzo, 2018), оценки высших правил силлогизмов (Брюшинкин, 1986; Vanzo, 2018), возможности редукции модусов несовершенных фигур (Лемешевский, 2009; Wilson, 1975), сущности суждения и умозаключения (Vatavu, 2019; Lu-Adler, 2015). Исследователи, указывая на наличие двух стратегий обоснования выводов по несовершенным фигурам (по правилам и через редукцию), отмечали, что Кант сделал выбор в пользу только редукции, и подчеркивали проблематичность (в частности, неполноту) предложенного им обоснования сведения модусов второй — четвертой фигур.

However, Kant's work has not been examined specifically from the cognitive point of view. Occasional unsystematic remarks of this kind can be found in the articles of A. Besler, A. Vanzo, M. Vatavu, H. Lu-Adler, and Davide Dalla Rosa. Such remarks are concentrated in three types of context. The first context regards the nature of the Kantian syllogism. Lu-Adler (2015) and Dalla Rosa (2020) stress its processual character for imperfect modes. Besler (2022), juxtaposing conclusions according to the first and other figures, discerns a possible difference in that the latter are possible only in cognitive reality. The second context concerns the rules of imperfect modes and their cognitive status. Dalla Rosa (2020) sees their use as a cognitive act comprising three operations and notes the descriptive character of these rules for cognitive reality, in contrast to the normativity of rules in the first figure. The third context is discussion of the Kantian view that reasoning according to imperfect modes is only possible through reduction to the modes of the first figure. Besler (2022) claims that this method of reasoning does not correspond to what happens in the real cognitive process.

In light of the cognitive turn of modern science, a corresponding reading of Kant's treatise opens up certain research perspectives. This article attempts to differentiate the semantic aspects of Kant's text (logical, epistemological, and cognitive-psychological), and reconstructs the cognitive aspect in

assessment of the role of syllogisms in cognition (Vanzo, 2018); of the highest rule of syllogisms (Bryushinkin, 1986; Vanzo, 2018); of the possibility of reduction of modes of imperfect figures (Lemeshevsky, 2009; Wilson, 1975); and of the essence of judgement and inference (Vatavu, 2019; Lu-Adler, 2015). Pointing to the existence of two strategies for grounding conclusions according to imperfect figures (by rules and through reduction), researchers noted that Kant had opted only for reduction, and questioned the grounds (and their completeness) for reducing modes of figures II–IV.

смысловые ракурсы кантовского текста (логический, гносеологический и когнитивно-психологический), реконструировать когнитивный в его связях с другими, а также наметить исследовательские перспективы, порождаемые идеями «Ложного мудрствования...».

2. Фигуры силлогизма: логико-гносеологический аспект

Различие первой и прочих фигур силлогизма подчеркивалось еще Аристотелем (Аристотель, 1952): первая фигура является совершенной, прочие посредством определенных процедур сводимы к ней. Это обстоятельство не умаляет значения разных фигур и не лишает их места в познании. В частности, Ламберт в «Новом Органоне» отмечал, что вторая фигура может использоваться для различения вещей, третья — для доказательства примеров и исключений, четвертая — для исключения отношений между видами и родами (Lambert, 1764, S. 140–141). Однако Кант выделение второй — четвертой фигур характеризует довольно жестко как «ложное мудрствование» и выражает сожаление по поводу неоправданных трат времени и сил умных людей на изучение объектов, не имеющих какой-либо познавательной ценности (AA 02, S. 56–57; Кант, 1994б, с. 34–35). Думается, что оба термина в этой нелестной характеристике содержат глубокие смыслы и нуждаются в пояснении.

Почему «мудрствование»? Существенное отличие совершенных и несовершенных силлогизмов Кант усматривает не в результативных, а в процессуальных характеристиках рассуждений по этим фигурам: силлогизм по первой фигуре включает те и только те умственные акты, которые необходимы и достаточны для умозаключения. В то же время силлогизмы по второй — четвертой фигурам характеризуются своего рода процедурной избыточностью (включают не менее четырех актов) и путем простейших преобразований сводятся к пер-

conjunction with the others, suggesting some avenues for research generated by notions of “The False Subtlety”.

2. Syllogism Figures: Logical-Epistemological Aspect

The difference of the first figure from the others was already stressed by Aristotle (2009): the first figure is perfect, while the others can be reduced to it through certain procedures. This does not mitigate the significance of various figures and does not deprive them of their place in cognition. Lambert (1764, pp. 140–141) in *Neues Organon* pointed out that the second figure can be used to distinguish things, the third to prove examples and exceptions, the fourth to exclude the relations between species and genus. Kant, however, characterises the distinction of the figures II–IV flatly as “false subtlety”, lamenting the fact that intelligent people waste their time and effort on the study of objects which have no cognitive value (*DfS*, AA 02, pp. 56–57; Kant, 1992b, pp. 99–100). I believe that both terms in this unflattering characterisation carry profound meanings and need to be explained.

Why “subtlety”? Kant sees an essential difference between perfect and imperfect syllogisms not in the resultative but processual characteristics of reasoning according to these figures: the first-figure syllogism includes those and only those mental acts which are necessary and sufficient for making an inference. Meanwhile, the second through fourth figures are marked by a procedural redundancy (including no less than four acts) and are reducible to the first figure through simple transformations, thereby needlessly complicating cognitive procedures.

Why “false”? Kant does not challenge the tradition which maintains that reasoning according to these figures leads to the truth

вой фигуре, представляя собой, таким образом, неоправданное усложнение познавательных процедур.

Почему «ложное»? Ведь Кант не спорит с традицией, утверждающей, что рассуждения по этим фигурам с такой же необходимостью приводят к истине, как и совершенная первая фигура, — с точки зрения результата они идентичны (AA 02, S. 55; Там же, с. 34). Значит, их можно оценить как неправильные (в силу процедурной избыточности), нецелесообразные, наконец, некрасивые, но не ложные⁴? В тексте содержится явный ответ Канта на этот вопрос: «...остальные три способа заключения в качестве правил умозаключения вообще истинны, но в качестве таких, которые содержали бы простые и чистые заключения, они ложны» (AA 02, S. 56; Там же, с. 35). Это высказывание истинно при условии, что «простота» и «чистота» являются значимыми качествами умозаключений. И для Канта это действительно так. Но по какой причине? Нельзя ли усмотреть более глубокие корни кантовского представления о «ложности» трех фигур? Полагаю, основание для утвердительного ответа на этот вопрос задано гносеологическим контекстом трактата Канта — его пониманием сущности познания (в том виде, в каком это понимание отражено в «Ложном мудрствовании...») и ее воплощения в логических формах мышления. Реконструируем возможные черты той гносеологии, которая просматривается в «Ложном мудрствовании...».

1. Простейшая онтолого-гносеологическая структура, обеспечивающая возможность отчетливого познания, представлена объектами двух типов: вещами (предметами) и выделяемыми у них признаками. Некоторые признаки непосредственно присущи вещам, другие являются признаками признаков и в силу этого также присущи предметам.

2. Отчетливое познание обеспечивается процедурами двух типов: непосредственным

⁴ Замечу, что в современной логике термин «ложный» не применяется к умозаключениям.

as surely as the perfect first figure; they are identical in terms of result (*DfS*, AA 02, p. 55; Kant, 1992b, p. 99). Hence, they can be said to be incorrect (procedurally superfluous), impracticable, even inelegant — but false?⁴ The text contains an explicit answer to this question: “the remaining three modes of inference, construed as syllogistic rules in general, correct, but construed as containing simple and pure inference, they are mistaken” (*DfS*, AA 02, p. 56; Kant, 1992b, pp. 99-100). This statement is valid on the condition that “simple” and “pure” are meaningful properties of inferences. For Kant, this is indeed the case. But why? Could Kant’s concept of the three figures’ being false have deeper roots? I believe that an affirmative answer to this question is dictated by the epistemological context of Kant’s treatise, including his comprehension of the essence of cognition (the way it is reflected in “The False Subtlety”) and its embodiment in logical forms of thinking. Let us reconstruct the possible features of the epistemology discernible in “The False Subtlety”.

The simplest ontological-epistemological structure that ensures the feasibility of distinct cognition is represented by two types of objects: things (objects) and their characteristic marks. Some characteristic marks are inherent in things, while others are characteristic marks of characteristic marks and are thus also inherent in objects.

Distinct cognition is ensured by two types of procedures: (a) immediate comparison of the object and a characteristic mark and (b) mediate comparison when the characteristic mark is cognised as (not) inherent in a thing because it is (un)inherent in another characteristic mark of the thing. The form of the process and result of immediate comparison is a *judgement*

⁴ Incidentally, in modern logic the term “false” is not used with regard to inferences.

сравнением предмета и признака и опосредованным сравнением — таким, при котором признак познается как (не)присущий вещи в силу того, что он (не)присущ другому признаку этой вещи. Формой процесса и результатом непосредственного сравнения является суждение (как акт и как предложение); формой процесса опосредованного сравнения — умозаключение (силлогизм), результатом — совокупность предложений, связанных опосредствующим термином (средним). Суждение и умозаключение, таким образом, — это сравнения предмета и признака. Они представляют собой познавательные процедуры, являются основными формами познания, обеспечивающими отчетливость и полноту понятий.

3. Основными конститутивными свойствами онтологии и, как следствие, принципами, определяющими опосредованное познание разумных существ, выступают следующие: признак признака вещи есть признак самой вещи (NN), и то, что противоречит признаку вещи, противоречит и самой вещи (RN). Эти правила определяются самой структурой бытия и являются базовыми универсальными принципами познания⁵ (AA 02, S. 49; Там же, с. 26—27). По оценкам исследователей, эти правила были оригинальными утверждениями Канта, и их аналоги не обнаружены у его предшественников (Vanzo, 2018, p. 172).

4. Базовые правила опосредованного познания — это правила всякого утвердительного или отрицательного умозаключения. Умозаключение, построенное строго в соответствии с этими правилами, — совершенное именно в силу следования высшим правилам познания. Возможны умозаключения, построенные без явного отражения высших правил; они являются несовершенными.

⁵ Полагаю, что именно по этой причине эти правила являются высшими, не сводимыми ни к каким другим; напротив, традиционно считавшиеся первыми правилами умозаключений *Dictum de omni* и *Dictum de nullo* выводятся из них: правила *Dictum* относятся к понятиям (мыслям), правила *Nota* — к структуре бытия (AA 02, S. 49; Кант, 1994б, с. 26; см.: Брюшинкин; 1986, с. 35).

(as an act and as a sentence); the form of the process of mediate comparison is an *inference* (syllogism); and the result is a combination of sentences linked by a mediate (middle) term. Judgement and inference are thus comparisons of the object and the characteristic mark. They are cognitive procedures, and the main forms of cognition that ensure the distinctness and completeness of concepts.

The main constituting properties of ontology and, consequently, the principles that determine the mediated cognition of rational beings, are as follows: a characteristic mark of a characteristic mark of a thing is a mark of the thing itself (NN), such that what contradicts the mark of a thing contradicts the thing itself (RN). These rules are determined by the very structure of being and are basic universal principles of cognition⁵ (*DfS*, AA 02, p. 49; Kant, 1992, p. 91). Researchers attest that these rules were first formulated by Kant, since no analogues have been found in the work of his predecessors (Vanzo, 2018, p. 172).

The basic rules of mediate cognition are the rules of every affirmative or negative syllogism. A syllogism made in strict accordance with these rules is perfect precisely because it follows the highest rules of cognition. Syllogisms made without clear conformity to the highest rules are possible but they are imperfect.

Only the first figure corresponds to the highest rules. The remaining ones are imperfect, redundant, “obscuring” cognition. They make the concepts full but do not make them distinct.

⁵ I believe that this is why these rules are the highest and cannot be reduced to any other rules; on the contrary, the inference rules *Dictum de omni* and *Dictum de nullo*, traditionally thought to be the first rules of inference, are derived from them: *Dictum* refers to concepts (thoughts), and *Nota* rules refer to the structure of being (*DfS*, AA 02, p. 49; Kant, 1992b, p. 91; see: Bryushinkin, 1986, p. 35).

5. Высшим правилам соответствует только первая фигура. Остальные — несовершенны, избыточны для познания, «затемняют» его. Обеспечивая полноту понятий, они не обеспечивают ясность познания.

Таким образом, вторая — четвертая фигуры нарушают сами фундаментальные принципы познания, цель которого — отчетливость и ясность. Они не только не имеют ценности для познания, но и вредны для него. Не поэтому ли, среди прочего, Кант характеризует их как ложные?

Определенным диссонансом гносеологической интерпретации суждений и умозаключений звучит, на первый взгляд, трактовка Кантом умозаключения как суждения (AA 02, S. 48; Кант, 1994б, с. 25). Брюшинкин оценивает ее как предтечу сформировавшегося позднее высказывательного подхода к рассуждениям (Брюшинкин, 1986, с. 32). В этом случае умозаключение должно характеризоваться непроцессуально и в определенном смысле безотносительно к познанию как процессу — должно рассматриваться только как связь трех посылок по истинности. При таком подходе вопрос об основаниях вывода, очевидности / неочевидности его построения, сравнительных особенностях фигур и модусов не имеет значения — они все тождественны с точки зрения сохранения истины (при истинности посылок гарантируют истинное заключение). Однако подобная интерпретация, очевидно, не исчерпывает кантовское понимание умозаключения: будучи суждением, оно обладает признаками суждения, которое, в свою очередь, есть сравнение предмета с признаком; соответственно, и умозаключение представляет собой аналогичное действие, но совершаемое на основании опосредствующего признака.

В «Ложном мудрствовании...» Кант отвергает трактовку непосредственных заключений как умозаключений: непосредственные «вовсе не есть умозаключения», потому что «из одного суждения истинность другого познается непосредственно, без среднего термина» (AA 02, S. 50; Кант, 1994б, с. 27). Какой смысл имеет это

Thus, figures II–IV violate the fundamental principles of cognition, which seeks clarity and distinctness. They are not only useless, but harmful for cognition. Could this be one of the reasons why Kant characterises them as false?

Kant's interpretation of inference as judgement seems, at first glance, to be at odds with the epistemological interpretation of judgements and inferences (*Dfs*, AA 02, p. 48; Kant, 1992, p. 90). Bryushinkin (1986, p. 32) considers it the forerunner of the proposition approach to reasoning. In this case, the inference should be characterised non-processually, and in a certain sense irrespective of cognition as a process, i.e. only as a link between three premises by the truth. Given this approach, the question of the grounds of the inference — its structure being obvious or not obvious, comparative properties of figures and modes — becomes irrelevant, since they are identical from the point of view of the truth (i.e., both guarantee a valid inference given true premises). However, this interpretation obviously does not exhaust the Kantian interpretation of syllogism: being a judgement, it has the properties of a judgement which, in turn, is a comparison of the object with its characteristic mark; accordingly, a syllogism is an analogous act, only it is performed on the basis of a mediate mark.

In "The False Subtlety", Kant rejects the interpretation of immediate inferences as syllogisms because "from one judgement the truth of another judgement is cognised immediately without an intermediate concept" (*Dfs*, AA 02, p. 50; Kant, 1992b, p. 92). What is the meaning of this distinction? Constructions which have essentially identical logical characteristics have different epistemological characteristics, which Kant deems to be regulative. In this as in other cases, Kant consistently adheres to an approach which goes far beyond formal logic.

различие? Конструкции, тождественные в существенных логических характеристиках, имеют различные гносеологические признаки, и именно они для Канта являются регулятивными. В этом вопросе, как и в прочих, философ последовательно реализует подход, далеко выходящий за рамки формального логического.

Я не стану углубляться в анализ места и роли «Ложного мудрствования...» в развитии гносеологических идей Канта — это сделали другие исследователи (см., например: Vatavu, 2019). По их оценкам, в трактате намечаются контуры идей будущей трансцендентальной логики. Здесь же важно подчеркнуть неформальность подхода к интерпретации силлогизмов, выходящего их за рамки логического рассмотрения в широкое пространство гносеологической проблематики. В то же время важно отметить следующее: в «Ложном мудрствования...» обнаруживаются только некоторые проблески будущей логики познания — до очищенного от психологии философского анализа познания Кантом было еще почти двадцать лет. Здесь же познавательные акты представляются не только в общефилософском, но и в логико-когнитивном ключе, рассматриваются, среди прочего, *in concreto*. Психологистский подход к репрезентации суждений и умозаключений как актов ума, органичный для логической мысли докантовского периода, в «Ложном мудрствования...» обнаруживает себя со всей очевидностью (Besler, 2022, p. 202) и, с одной стороны, подчеркивает своего рода «этапный» характер работы (в ней еще нет ничего завершенного, кроме критики несовершенных фигур), с другой — задает для современного исследователя ориентиры когнитивного изучения логических процедур естественного мышления.

3. Силлогистические акты: когнитивный ракурс кантовского трактата

Можно ли рассматривать работу Канта в когнитивном ракурсе? Особенно если принять во

I will not go into a detailed analysis of the place and role of “The False Subtlety” in the development of Kant’s epistemological ideas. This has been done by other researchers (see, for example, Vatavu, 2019), who see in it the beginnings of the future transcendental logic. What needs to be stressed is the informal approach to the interpretation of syllogisms, which takes them outside the logical framework into the wide space of epistemology. At the same time, it is important to note that “The False Subtlety” has only the glimmerings of a future logic of cognition: Kant is almost twenty years away from a philosophical analysis of cognition cleansed of psychology. Here, cognitive acts are approached not only in the general, philosophical but also in the logical-cognitive way, and considered *in concreto*. The psychologistic approach to representing judgements and syllogism as acts of the mind, which was a feature of pre-Kantian logical thought, is very much in evidence in “The False Subtlety” (Besler, 2022, p. 202). On one hand, it highlights the “phased” character of his work (there is nothing final in it other than the critique of imperfect figures); and on the other hand, it offers benchmarks for scholars studying the logical procedures of natural thought.

3. Syllogistic Acts: The Cognitive Aspect of Kant’s Treatise

Can Kant’s work be legitimately analysed from the cognitive point of view? Especially considering that, in his later works, Kant denies the logic of natural reasoning or, as he calls it, “psychology” (*Log*, AA 09, p. 13; Kant, 1992a, p. 529), or “applied logic” (*Log*, AA 09, p. 18; Kant, 1992a, pp. 532-533), the status of a logical science, whereas “The False

внимание то, что логике естественных рассуждений, или, как называл нечто подобное сам Кант, «психологии» (АА 09, S. 13; Кант, 1994а, с. 269) или «прикладной логике» (АА 09, S. 19; Там же, с. 273), сам философ в более поздних работах отказывает в праве иметь статус логической науки, а «Ложное мудрствование...» по замыслу — логическая работа? Думается, что экспликация когнитивно ориентированных элементов содержания не будет «прегрешением» против замысла автора. Отмечу, что в «Ложном мудрствовании...» Кант не поднимает фундаментальных вопросов о сущности логики как науки, но рассматривает относительно узкую проблему, современное обращение к которой в контексте когнитивного поворота логики теоретически и практически значимо. Кроме того, историко-философский контекст, в котором был написан трактат, не проблематизирует, но, напротив, поддерживает валидность такого подхода. Мейнстримное направление репрезентации форм мысли на момент написания «Ложного мудрствования...» было психологистски ориентированным: логические формы характеризовались в их связи с феноменом естественного мышления (Круглов, 2021б, с. 16). В этом ключе написаны логические работы Томазия (Круглов, 2021а, с. 15), Вольфа (Вольф, 1765), Крузия (Crusius, 1762), Баумейстера (Баумейстер, 1823, с. 15) и др. Несмотря на то что кантовская трактовка умозаключений в «Ложном мудрствовании...» в определенном смысле не совпадает с вольфовской, в целом с точки зрения историко-философского контекста исследователи характеризуют «Ложное мудрствование...» как «кантианскую сноску к логике Вольфа» (Vatavu, 2019, S. 551), а собственный теоретико-философский подход Кант выстраивает позже, в работах критического периода. Наконец, некоторые признаки, приписываемые Кантом силлогизмам, дают основания говорить о том, что в «Ложном мудрствовании...» Кант не проводит «чистый» подход к умозаключениям, а характеризует их

“Subtlety” is conceived as a logical work. I do not think that an explication of its cognitively oriented elements would “sin” against the author’s intention. In this treatise, Kant does not grapple with fundamental questions concerning the essence of logic as a science, focusing on a relatively narrow problem which has acquired new theoretical and practical significance because of the cognitive turn in logic. Besides, the historical-philosophical context in which the treatise was written does not problematise but, on the contrary, bolsters the validity of such an approach. At the time “The False Subtlety” was written, mainstream cognitive studies were psychology-oriented: logical forms were characterised in conjunction with the phenomenon of natural thinking (Krouglov, 2021b, p. 16). The logical works of Christian Thomasius (*cf.* Krouglov, 2021a, p. 15), Christian Wolff (1770), Christian August Crusius (1762), Friedrich Christian Baumeister (1747, p. 13), and others were written in the same vein. Although the Kantian treatment of inferences in “The False Subtlety” diverges in some ways from that of Wolff, in terms of the history of philosophy, researchers describe “The False Subtlety” as “a Kantian footnote to Wolffian logic” (Vatavu, 2019, p. 551); Kant’s own theoretical philosophical approach does not emerge until later, in the works of the critical period. Finally, some properties Kant ascribes to syllogisms suggest that “The False Subtlety” does not take a “pure” approach to syllogism, but characterises them as realities of natural thinking (Vanzo, 2018, p. 175). I will try to recreate the cognitive depiction of syllogisms in Kant’s treatise.

First, we can look to the conditions that determine the unfolding of syllogistic acts. Syllogisms, according to Kant, are constructed like answers to intellectual situations involving a lack of clarity concerning the connection

как реалии естественного мышления (Vanzo, 2018, p. 175). Попробую воссоздать когнитивный абрис силлогизмов в том виде, в каком их представляет в своем трактате Кант.

Во-первых, это касается условий, детерминирующих разворачивание силлогистических актов. Силлогизмы, по мысли Канта, строятся как ответ на интеллектуальную ситуацию неясности связей между вещью и признаком для познающего — умозаключение «проливает свет» на эту связь: «...именно потому, что противоречие между предикатом и субъектом я не всегда усматриваю с достаточной ясностью, мне, насколько это возможно, приходится прибегать к вспомогательному средству, чтобы облегчить себе понимание через промежуточный признак» (AA 02, S. 48; Кант, 1994б, с. 25). Примечательно, что далее Кант подчеркивает значение непосредственной представимости признака. Умозаключения, таким образом, выступают не только как инструмент образования суждений, но и как когнитивный механизм прояснения связей познаваемых объектов, достижения отчетливости понятий.

Во-вторых, это касается когнитивных факторов, обеспечивающих образование логических форм мысли. Применительно к суждениям эта характеристика имеет вполне когнитивное звучание: Кант ставит вопрос о «таинственной силе, которая делает возможными суждения», и, отвечая на него, характеризует ее «как способность внутреннего чувства, т.е. способность делать свои собственные представления предметом своих мыслей» (AA 02, S. 60; Там же, с. 40; Ватаву называет эту способность сознанием: Vatavu, 2019, S. 531). В «Ложном мудрствовании...» Кант не задается вопросом о той «силе», которая позволяет строить умозаключения, делая очевидной силу вывода, в связи, вероятно, с тем, что усматривает этот механизм в осознанном следовании мышления высшим правилам. Однако можно предположить, что, развивая мысль в соответствующем направлении, философ мог бы задаться вопросом о том, как именно (посредством каких процессов) обеспечивается следо-

between a thing and its characteristic mark for the cognising subject: the syllogism “sheds light” on this connection: “[...] it is equally obvious that, since I do not always recognise the conflict of a predicate and a subject with sufficient clarity, I must, whenever possible, employ something to help me to facilitate my understanding by means of an intermediate characteristic mark” (*DfS*, AA 02, p. 48; Kant, 1992b, p. 90). Significantly, Kant further emphasises the importance of immediate representation of the characteristic mark. Thus, syllogisms are not only tools for forming judgements, but cognitive mechanisms for clarifying the relations of objects being cognised, and for achieving distinctness of concepts.

Second, there are cognitive factors that make possible logical forms of thought. “Judgement”, for example, has a cognitive meaning: Kant raises a question about “the mysterious power which makes judging possible” which he answers by pointing to the “faculty of making one’s own representations the object of one’s thought” (*DfS*, AA 02, p. 60; Kant, 1992b, p. 104; Vatavu (2019, p. 531) calls this faculty consciousness). In “The False Subtlety”, Kant does not ask about the “power” that enables one to form a syllogism, making the power of inference evident, apparently because he sees it as the mechanism for the conscious subordination of thinking to the higher rules. However, it is possible to imagine that, pursuing this line of reasoning, Kant might have raised the question of how (i.e. through what processes) the subordination to higher rules of inference is ensured, or even what mechanism coerces thought into generating the inference. However, Kant did not set this task in “The False Subtlety”.

Third, the thesis is supported by Kant’s description of the cognitive mechanisms

вание высшим правилам умозаключений или, наконец, какой механизм обеспечивает принудительное воздействие на мысль, порождающее вывод. Однако подобная задача в «Ложном мудрствовании...» перед автором не стояла.

В-третьих, тезис поддерживается соображениями Канта, связанными с описанием познавательных механизмов получения заключений по всем фигурам. Основания вывода трактуются автором как общие правила, по которым в ходе умозаключающей деятельности получают заключения по всем «законным» и «незаконным» фигурам. Это обстоятельство позволяет некоторым исследователям трактовать высшие правила силлогизма (для утвердительных и отрицательных умозаключений) как эвристики (Лемешевский, 2009, с. 44).

Итак, умозаключение (силлогизм) предстает как: а) процессуальное образование, б) представляющее собой акт сравнения, в) имеющее мотивационную предпосылку в форме стремления сделать отчетливым неясное знание, г) состоящее из нескольких актов, д) некоторые из которых осуществляются в имплицитной форме, — иными словами, как некоторое интеллектуальное действие, направленное на устранение возникшей в индивидуальном познании ситуации неясности, неотчетливости.

Таким образом, в *общей* характеристике силлогизмов (умозаключений) интегрированы общепhilosophические и когнитивно-психологические компоненты. Дополнительную информацию когнитивного характера дает *частное* описание Кантом силлогизмов по разным фигурам.

Силлогизмы по первой фигуре стоят особняком от всех прочих силлогистических конструкций. Их противопоставление имеет три основания. О гносеологическом речь шла выше. Второе — традиционное логическое, определяемое положением терминов в посылках. Третье — когнитивное. Оно просматривается, с одной стороны, в процессуальной характеристике фигур, с другой — в описании некоторых частных признаков несовершенных

for obtaining inferences according to all the figures. He interprets the grounds of inference as general rules according to which inferences are made for all, “legitimate” and “illegitimate”, figures. This circumstance prompts some researchers to treat the highest rules of syllogism (for affirmative and negative inferences) as heuristics (Lemeshevsky, 2009, p. 44).

Thus, an inference (syllogism) is: a) a processual entity; b) represents an act of comparison; c) has a motivational prerequisite, in the form of the wish to clarify opaque knowledge; and d) consists of several acts, e) some of which are effected implicitly. In short, it is an intellectual act intended to eliminate a lack of clarity in individual cognition.

Thus, the *general* characteristic of syllogisms (inferences) integrates general philosophical and cognitive-psychological components. Kant’s *particular* description of the various figures provides additional information about the cognitive nature of syllogisms.

Syllogisms according to the first figure stand apart from all other syllogistic structures. There are three grounds for opposing them. The epistemological ground has already been mentioned above. The second is the traditional, logical ground, determined by the position of terms in the premises. The third is cognitive, which is visible, first, in the processual characteristic of the figures; second, in the description of some particular properties of imperfect figures; and, finally, in “the power of inference” concept which Kant uses to describe a pure figure.

From the processual point of view, Kant describes the first figure in two ways. On one hand, it is atomistic: its structure does not have “inserted” procedures, but immediate inferences, so that the inference is made immediately from two premises (AA 02,

фигур и, наконец, в понятии «сила вывода», используемом Кантом для описания чистой фигуры.

С процессуальной точки зрения Кант характеризует первую фигуру двояко. С одной стороны, она атомарна: в ее структуре нет «вставочных» процедур — непосредственных заключений, в силу чего вывод совершается непосредственно из двух посылок (AA 02, S. 50; Кант, 1994б, с. 27). На современном языке подобную процедуру следовало бы назвать логической операцией (Сироткина, 2021, с. 21). С другой стороны, умозаключения по первой фигуре имеют трехчленную структуру: два акта — суждения, третий — собственно вывод, то есть переход от посылок к заключению. В этом смысле вся процедура является сложной — не операцией, а действием. Какой же статус тогда имеет подобный силлогизм? Думается, что Кант в «Ложном мудрствовании...» не дифференцирует логические и внелогические характеристики силлогистических умозаключений — именно в этом коренится некоторая неопределенность процессуального статуса первой фигуры. Отмежевав их друг от друга, силлогизм по совершенной фигуре с логической точки зрения можно было бы квалифицировать как логическую операцию, то есть неделимый на составляющие акт мышления; с эпистемологической — как составную процедуру, части которой имеют разную природу.

Структура несовершенных силлогизмов более сложная. Помимо перечисленных для первой фигуры актов, они включают другие действия, в частности промежуточные заключения (они подробно описаны в: Wilson, 1975, S. 406–415). Кант подчеркивает, что сила вывода в них «основывается на молчаливом присовокуплении этого непосредственного заключения, которое здесь необходимо хотя бы подразумевать» (AA 02, S. 51; Кант, 1994б, с. 28). С логической точки зрения они являются действиями (содержат не менее двух актов), как и с внелогической. Помимо этого, Кант наделяет несовершенные силлогистические акты част-

p. 50; Kant, 1992b, p. 92). In the contemporary idiom, this procedure should be called a logical operation (*cf.* Sirotkina, 2021, p. 21). On the other hand, inferences under the first figure have a three-member structure: two acts are judgements, and the third is inference proper — that is, transition from the premises to the conclusion. In that sense, the whole procedure is composite: not an operation, but an act. What, then, is the status of such a syllogism? It seems to me that Kant in “The False Subtlety” does not distinguish logical and non-logical characteristics of syllogistic inferences, and herein lies a certain ambiguity of the processual status of the first figure. By separating them from one another, a perfect-figure syllogism can be characterised, from the logical point of view, as a logical operation, an indivisible thought-act; and, from the epistemological point of view, as a composite procedure whose parts have different natures.

The structure of imperfect syllogisms is more complex. In addition to the first-figure acts mentioned above, they include other acts, notably intermediate conclusions (described in detail in Wilson, 1975, pp. 406-415). Kant stresses that the power of the conclusion in them “depends upon the tacit addition of this immediate inference, which has to be present if only in thought” (*DfS*, AA 02, p. 51; Kant, 1992b, p. 93). From both the logical standpoint and non-logical standpoints, they are actions (consisting of at least two acts). Besides this, Kant attributes to imperfect syllogistic acts particular properties directly linked with individual cognition. These include, among other things, the “unnaturalness” of inferences according to the fourth figure.

I would like to single out the special role of the notion of “power of inference” among the characteristics of inference Kant uses to describe the perfection of a figure: only “the

ными признаками, непосредственно отсылающими к индивидуальной когниции. К ним относится, в частности, «неестественность» выводов по четвертой фигуре.

Особую роль, на мой взгляд, в характеристике умозаключений по разным фигурам играет понятие «сила вывода», которое Кант использует, описывая совершенство фигуры: «только первая фигура... содержит в себе всю силу вывода» (AA 02, S. 58; Там же, с. 37). Что представляет собой эта «сила» и что значит «обладать всей силой»? В «Ложном мудрствовании...» Кант использует это понятие без семантических уточнений, однако оно нуждается в пояснении. Вывод сам по себе — «сильная» процедура: в корректно построенных дедуктивных рассуждениях действует «принудительная сила наших речей», индуцирующая построение из имеющихся посылок нового высказывания совершенно определенным образом. Можно было бы считать соответствующее выражение не более чем метафорой, но оно встречается в трактате несколько раз применительно как к силлогизмам по разным фигурам, так и к суждениям (AA 02, S. 58, 60; Там же, с. 37, 40). Силу вывода, имеющую, судя по кантовскому тексту, разные степени полноты проявления, нужно понимать как некую когнитивную характеристику процесса вывода. Вероятно, речь идет об очевидности — отчетливости — процесса вывода для рассуждающего, обеспечиваемой сознанием связей между терминами посылок: чем очевиднее для рассуждающего связь между субъектом и предикатом будущего заключения представлена в посылках, тем большей силой обладает вывод. Поскольку в первой фигуре вывод усматривается непосредственно, он обладает всей полнотой силы. В остальных фигурах вывод когнитивно слабее (при той же логической «силе»).

Так, применительно, с одной стороны, к умозаключениям в целом и, с другой — к разным фигурам силлогизмов, выстраивается когнитивное содержание «Ложного мудрствования...». Подчеркнем: поднимая в этой работе

first figure [...] has the power to generate the conclusion" (DfS, AA 02, p. 58; Kant, 1992b, p. 102). What is this "power" and what does it mean to "have" this power? In "The False Subtlety", Kant does not explain this concept semantically; yet a clarification is in order. Inference, in itself, is a "strong" procedure: correctly structured deductive argumentation involves the "compelling power of our words" which induces the formation of a new judgement from available premises in a strictly definite way. One might dismiss this as a mere metaphor, but it occurs in the treatise several times in connection with syllogisms according to different figures, as well as with judgements (DfS, AA 02, pp. 51, 58, 60; Kant, 1992b, pp. 93, 102, 104). The power of inference which, judging from Kant's text, may manifest itself more or less fully, should be understood as a cognitive characteristic of the inference process. Plausibly, this refers to the obviousness, i.e. distinctness, of the *process* of inference for the speaker, which stems from an awareness of the links between the terms of the premises: the more obvious the link between the subject and predicate of the would-be inference in the premises is to the speaker, the greater the power of the conclusion. Because the inference is seen directly in the first figure, it has the full power. The inference is cognitively weaker in the other figures (given the same logical "power").

Thus, the cognitive content of "The False Subtlety" is formed, on one hand, with regard to syllogism in general and, on the other, with regard to different figures of syllogisms. Let us stress that in raising in this work what is a logical problem, Kant goes beyond it, into the sphere not only of epistemology, but arguably of cognitive studies as well. The three angles of representation of inference in "The False

собственно логическую проблему, Кант выходит за ее пределы в сферу не только гносеологии, но и, можно сказать, когнитивистики. Три ракурса репрезентации умозаключений в «Ложном мудрствовании...» (логический, гносеологический и когнитивный) практически не дифференцированы. Можно было бы ожидать, что в последующих работах Кант разовьет и гносеологическое, и когнитивно-психологическое направление. Однако мысль философа сконцентрировалась вокруг фундаментальных вопросов познания. Тем не менее «многослойность» кантовского подхода к умозаключениям в «Ложном мудрствовании...» дает основания сформулировать некоторые положения, акцентирующие когнитивные характеристики умозаключений.

4. Реконструкция возможной когнитивной силлогистики

Пусть силлогизм действительно является⁶ инструментом разумного познания, рассматриваемого *in concreto*. Ориентируясь на онтолого-гносеологические основания умозаключений и руководствуясь тем обстоятельством, что наличие некоторых процедур в составе силлогизма выступает, по Канту, его конститутивным признаком, попытаюсь реконструировать не сформулированные в «Ложном мудрствовании...» их возможные когнитивные характеристики. В этом контексте возникает несколько вопросов: как именно разворачиваются умозаключающие акты в естественном мышлении; как осуществляется акт перехода от посылок к заключению (какой механизм обеспечивает принудительное воздействие на мысль, порождающее вывод); если имеет место следование правилам, то как обеспечивается действие этих высших правил умозаключения; есть ли некая универсальная (законосообразная) модель про-

⁶ Реальность разворачивания естественных рассуждений в соответствии с силлогистическими схемами сама требует подтверждения.

Subtlety" (the logical, epistemological, and cognitive) are practically undifferentiated. One might have expected Kant to develop the epistemological and cognitive-psychological strands in subsequent works. But the philosopher's thought focused instead on fundamental questions of cognition. Even so, the "multi-layered" Kantian approach to inferences in "The False Subtlety" offers indices of some cognitive characteristics of syllogisms.

4. Reconstruction of Possible Cognitive Syllogistics

Let syllogism indeed be⁶ an instrument of reasonable cognition considered *in concreto*. Proceeding from the ontological-epistemological foundations of inference, and from the fact that the presence of some procedures in the syllogism is, according to Kant, its constituting characteristic mark, I will try to reconstruct their possible cognitive characteristics, not formulated in "The False Subtlety". Several questions suggest themselves: how do syllogistic acts unfold in natural thinking? How is the transition from premises to conclusion effected (what mechanism ensures the coercive influence on thought to generate the inference)? If rules are followed, how are these highest rules enforced? Is there a universal (law-like) model of the procedure of syllogism and, if so, are there differences between the model and the real, unfolding syllogistic acts? What is the "power of inference", and how do the inference rules form its basis? What are the cognitive differences between the four figures? I will try to reconstruct possible answers to these questions.

⁶ That natural reasoning proceeds in accordance with syllogistic schemes is a proposition that has yet to be confirmed.

цедуры умозаключения и, если да, имеются ли различия между моделью и реально разворачивающимися силлогистическими актами; что представляет собой «сила вывода», как именно правила умозаключений служат ее основанием; каковы когнитивные различия четырех фигур? Предприму попытку сконструировать возможные ответы на поставленные вопросы.

4.1. Как разворачиваются умозаключающие акты в естественном мышлении?

Характеризуя силлогизм как акт, Кант не включает его явно в контекст познавательной ситуации. Однако любая система высказываний есть результат некоторых производимых разумным существом умственных актов (акта). Как разворачиваются эти акты? Возможны два пути образования умозаключений как систем высказываний:

а) «восходящий» — суждение (заключение будущего силлогизма) имеется, требуется его обоснование через опосредование, по Канту — внесение ясности в связь субъекта и предиката;

б) «нисходящий» — посылки заданы, задача заключается в построении вывода.

В «Ложном мудрствовании...» Кант не дифференцирует явно эти пути, однако в трактате обращается и к восходящему (AA 02, S. 49; Кант, 1994б, с. 26), и к нисходящему (AA 02, S. 51; Там же, с. 28). Категоризировал ли бы Кант столь разные акты именно как умозаключения, если бы подверг их анализу? Рассмотрим внимательнее эти пути.

В первом случае конструирование посылок, из которых выводится заданное суждение (заключение), основывается на поиске опосредующего признака. Введение такого признака обеспечивает сравнение через него. Сравнение через опосредующий признак есть умозаключение. Таким образом, процедура, исходящая из наличного результирующего суждения

⁷ Далла Роза усматривает когнитивный механизм умозаключений по несовершенным фигурам только в производстве непосредственного вывода (Dalla Rosa, 2020, p. 95).

4.1. How Do Syllogistic Acts Unfold in Natural Thinking?⁷

In characterising syllogism as an act, Kant does not explicitly include it in the cognitive situation. However, any system of judgements is the result of some mental acts (or act) of a thinking being. How do these acts unfold? There are two ways of forming syllogisms as systems of judgements:

“the ascending”: a judgement (the conclusion of a future syllogism) is there; what is needed is its grounding through mediation, what Kant describes as clarifying the links between the subject and the predicate;

“the descending”: the premises are there; the task is to draw the conclusion.

Kant in “The False Subtlety” does not explicitly differentiate these pathways, but he does employ both the ascending (*DfS*, AA 02, p. 49; Kant, 1992b, p. 91) descending forms (*DfS*, AA 02, p. 51; Kant, 1992b, p. 93). Would Kant have categorised these different acts as inferences if he had analysed them? Let us take a closer look at these pathways.

In the first case, the premises from which the judgement (conclusion) is deduced are constructed from the mediate characteristic mark. The introduction of such a characteristic mark makes possible a comparison through it. Comparison through a mediate characteristic mark is an inference. Thus, the procedure derived from the resulting judgement and consisting in the search for mediation is to be recognised as a syllogism⁸.

In the second case, the mediate characteristic mark is already given; there is no need to search for it. The relations between concepts

⁷ Dalla Rosa (2020, p. 95) discerns the cognitive mechanism of syllogisms only in the generation of the unmediated conclusion.

⁸ In “The False Subtlety” Kant practically identifies inferences (deductive) with syllogisms.

и состоящая в поиске опосредования, должна быть признана силлогизмом⁸.

Во втором случае опосредующий признак уже задан — его поиск не требуется. Экспликация отношений между понятиями из разных посылок происходит, с формальной точки зрения, через исключение среднего термина. Отсутствие результирующего суждения свидетельствует, с одной стороны, об отсутствии ситуации неясности отношений предмета и признака, с другой, если заключение из имеющихся посылок будет построено — о том, что ситуация неясности и не возникнет. Если рассматривать умозаключение как когнитивный акт прояснения отношений между субъектом и предикатом (AA 02, S. 49; Там же, с. 26), то конструкцию, традиционно квалифицируемую как умозаключение, признавать таковым нет оснований. Однако, определяя умозаключение как форму познания, Кант подчеркивает универсальность опосредования как необходимого и, видимо, достаточного свойства умозаключения: «*Всякое суждение через опосредствованный признак есть умозаключение*» (AA 02, S. 48; Там же, с. 25). Таким образом, при нисходящем пути образуется именно умозаключение, но установление связи между предметом и признаком признака происходит сразу в ясной и отчетливой форме.

Нисходящий и восходящий акты идентичны по результату и существенно различны по процедурным характеристикам. Вместе с тем, следуя мысли Канта, их необходимо отнести к одному типу — умозаключениям (силлогизмам) благодаря наличию опосредования⁹. В связи с этим в возможной когнитивной силлогистике процедура опосредования выступала бы, вероятно, одним из базовых познавательных актов. Какова его природа и как он разворачивается в задачах восходящего и нисходящего типов¹⁰?

⁸ Кант в «Ложном мудрствовании...» фактически отождествляет умозаключения (дедуктивные) с силлогизмами.

⁹ Именно отсутствие опосредования не позволяет раннему Канту отнести непосредственные выводы к умозаключениям.

¹⁰ Некоторые сведения об этом мы получаем непосредственно из кантовского текста.

in different premises are explicated, from the formal point of view, through the exclusion of the middle term. The absence of the resulting judgement, on one hand, attests to the absence of indistinctness in the relations between the object and the characteristic mark; and on the other hand, if an inference is made from available premises, it shows that a situation of uncertainty does not even arise. If we view inference as the cognitive act of clarifying the relations between a subject and predicate (*DfS*, AA 02, p. 49; Kant, 1992b, p. 91), there are no grounds for considering the structure traditionally qualified as inference as such. However, in defining an inference as a form of cognition, Kant stresses the universality of mediation as a necessary and apparently sufficient characteristic of the inference: “[...] *every judgement which is made by means of a mediate characteristic mark is a syllogism*” (*DfS*, AA 02, p. 48; Kant, 1992b, p. 90). Thus, an inference is precisely what is produced in the descending pathway; but the connection between the object and the characteristic mark is clear from the start.

The descending and ascending acts are identical in terms of their result, but essentially differ in terms of procedure. At the same time, following Kant, they should both be considered inferences (syllogisms) because of the presence of mediation.⁹ Therefore, in a possible cognitive syllogistics, the mediation procedure would probably be one of basic cognitive acts. What is its nature, and how does it unfold in ascending and descending acts?¹⁰

In the ascending syllogism, mediation is achieved through the search for a “mediate” characteristic mark: an unknown which, being a characteristic mark of the subject of the

⁹ It is the absence of mediation that prevents the early Kant from referring to immediate conclusions as inferences.

¹⁰ We learn something about this directly from the Kantian text.

В восходящем силлогизме опосредование достигается путем поиска «промежуточного» признака — неизвестного, которое, будучи признаком субъекта заключения, само обладает признаком, зафиксированным в предикате. В «Ложном мудрствовании...» Кант не поясняет умственный механизм такого поиска¹¹. Это эвристическая и, вероятно, неформальная процедура, которая производится в плоскости «бытийного» мышления — мышления об объектах бытия, а не оперирования терминами. В качестве основания она может, вероятно, иметь представление, так как ее результатом являются суждения (посылки). Если весь силлогистический акт в целом есть акт разума, то само опосредование в восходящих силлогизмах в этом случае включает акт представления. С когнитивной точки зрения построение восходящего силлогизма оказывается составным актом, который, будучи описанным некоторым набором правил, может рассматриваться как эвристика¹².

В нисходящем силлогизме опосредование зафиксировано в посылках — механизм его

¹¹ Как не делает этого, например, и Вольф. Несмотря на то что он рассматривает умозаключения в контексте проблемы открытия, вопрос о том, как образуются промежуточные высказывания (меньшие посылки), остается у него без ответа (Круглов, 2021в, с. 42).

¹² Брюшинкин, основываясь на рассуждениях Канта в «Критике чистого разума», рассматривает ее как процедуру поиска вывода, осуществляемую в естественном языке и связанную с построением системы посылок, из которых на основании правил логического следования может быть получено исходное высказывание (Брюшинкин, 2004, с. 71). Однако при такой интерпретации процедуры остается открытым вопрос о механизме поиска посылок. В качестве него могут выступать:

1. Поиск суждений, уже имеющихся в индивидуальном умственном опыте. Возможно, именно это имеет в виду Кант, когда пишет: «Если... вывод задан как суждение, чтобы посмотреть, не вытекает ли он из уже данных суждений... то я ищу в рассудке утверждение этого вывода, а именно не находится ли оно в рассудке при определенных условиях согласно общему правилу» (В 361; Кант, 2006, с. 467–469).

2. Поиск опосредующего признака для решения уравнения «S есть X и X есть P». При отсутствии в рассудке «уже данных суждений» поиск признака стоит признать единственно возможным инструментом образования посылок искомого силлогизма.

resulting judgement, itself has a characteristic mark fixed in the predicate. In “The False Subtlety”, Kant does not clarify the mental mechanism of such searching.¹¹ This is a heuristic and apparently informal procedure that takes place at the level of thinking on being: thinking about the objects of being, but not operating with terms. It is likely based on representation since its result is judgements (premises). If the whole syllogistic act is an act of reason, the mediation in ascending syllogisms includes the act of representation. From the cognitive point of view, the building of an ascending syllogism turns out to be a composite act which, being described by a set of rules, may be seen as heuristics¹².

In the descending syllogism, where mediation is fixed in the premises, the mechanism is fundamentally different. How is the connection between the object and the characteristic mark established? Let us examine the case of the first, perfect figure.

¹¹ Nor does Wolff, for example. Although he examines inferences in the context of the problem of discovery, the question of how mediate judgement (lesser premises) are formed remains unanswered (Krouglov, 2021c, p. 42).

¹² Bryushinkin (2004, p. 71), proceeding from Kant’s train of thought in the Critique of Pure Reason, considers it to be a procedure of deduction search in natural language involving the construction of a system of premises from which the initial utterance can be derived, on the basis of the rules of deduction. However, that interpretation leaves unanswered the question of the mechanism of the search for premises. Such a mechanism may be:

1. The search for judgements that are already part of the individual mental experience. This may be what Kant means when he writes: “If [...] the conclusion is a judgement given as the problem, in order to see whether it flows from already given judgements, [...] then I seek whether the assertion of this conclusion is not to be found in understanding under certain conditions according to a universal rule” (*KrV*, B 361; Kant, 1998, p. 390);

2. The search for a mediate characteristic mark to solve the equation “S is X and X is P”. In the absence of “given judgements” in the understanding, the search for a characteristic mark must be recognised as the solely possible instrument for forming the premises of the syllogism.

функционирования принципиально иной. Как устанавливается связь между предметом и признаком признака? Рассмотрим механизм на примере первой, совершенной фигуры.

4.2. Как осуществляется переход от посылок к заключению (вывод)? Когнитивная модель умозаключения

Ключевым структурным элементом нисходящего силлогизма является собственно переход от посылок к заключению. По Канту, этот переход осуществляется на основании правил NN или RN. Как именно актуализируются правила NN и RN и возникает очевидность, позволяющая рассуждающему связать крайние термины в одном суждении? Происходит ли их срабатывание «автоматически» или «сила вывода» действует как акт осознания связей терминов и оперирования ими? Кант не анализирует явно эту проблему в «Ложном мудрствовании...», однако с опорой на его текст можно сформулировать некоторые предположения о механизме опосредования через действие высших правил.

Принципиально возможны несколько вариантов этого механизма:

- действие представления: оно укоренено во внерассудочной деятельности и предполагает построение (неявное или намеренное) образов, репрезентирующих отношения между объектами, мыслимыми в посылках, то есть предполагает переход от суждений к соответствующим им представлениям;
- действие разума: оно основано на явном или неявном процессуально развернутом применении или некоем внепроцессуальном функционировании высшего правила.

Есть весомый спекулятивный аргумент для отказа от идеи представления как механизма связывания крайних терминов посылок. Представление есть низший уровень познания, суждение — надстраивающийся над ним и преодолевающий проблемы, связанные

4.2. How is the Transition from Premises to Conclusion Effected? The Cognitive Model of Inference

The key structural element of the descending syllogism is the transition from the premises to the conclusion. According to Kant, this transition is governed by the rules NN or RN. How are rules NN and RN actualised in order to make it possible to connect the major and minor terms in one judgement? Does it happen “automatically” or does “the power of inference” function as an act of becoming aware of the relations between terms, and operating on them? Kant does not explicitly address this problem in “The False Subtlety”, but the text contains some indications of the mechanism of mediation through the application of the highest rules.

In principle, several versions of this mechanism are possible:

- The action of representation: it is rooted in activities outside of understanding, and involves the construction (implicit or deliberate) of images representing the relations between objects that are thinkable in premises, i.e. envisaging the transition from judgements to corresponding representations;
- The action of reason: it is based on explicit or implicit processually unfolded use, or some extra-processual functioning, of the highest rule.

There is a weighty speculative argument against representation as a mechanism linking the major and minor endmost terms of premises. Representation is the lowest level of cognition; judgement is superimposed on it and overcomes problems connected with the possibilities of representation, namely, indistinctness of what is cognised. The inference ensures full cognition of the concept against the background of clarity achieved through judgement. Let us imagine that the

с возможностями представления, а именно неотчетливость познаваемого. Умозаключение обеспечивает полноту познания понятия на фоне ясности, достигаемой посредством суждения. Предположим, что промежуточным звеном между посылками и заключением являлось бы вторичное представление связи вещи и признака ее признака. Тогда ясность репрезентации предметов и признаков была бы вновь утрачена. Кроме того, фактически умозаключение возникало бы только по видимости (языковой форме), но не по существу, так как результирующее суждение было бы исключительно результатом представления, индуцированного другими суждениями. Мог ли Кант допустить возможность подобного «разрыва», приводящего к деструкции силлогизма? Полагаю, что нет. Сильным, хотя и не совсем прозрачным аргументом в поддержку этого тезиса является наделение Кантом силлогизма «силой вывода»: в случае повторного представления умозаключение утратило бы ее, следовательно, и собственную природу.

Вывод, очевидно, строится на действии разума — следовании высшему правилу умозаключения. Каков в таком случае механизм действия правила? Рассмотрю кантовский пример силлогистического рассуждения (для ясности изложения приведу его полностью).

Кант различает и приводит две формулировки силлогизма: «в форме суждений» (A) и не имеющую такой формы (B) (AA 02, S. 48; Кант, 1994б, с. 25):

<p>A. Все разумное есть дух. Человеческая душа разумна. Человеческая душа есть дух.</p>	<p>B. Быть духом есть признак разумного. Разумное есть признак человеческой души. Быть духом есть признак человеческой души.</p>
---	--

По сути, Кант фиксирует некий дуализм силлогизма в «форме суждений» (A) и второго умозаключения (B), не имеющего такой формы. Что представляет собой B и какое отношение оно имеет к A? Рассмотрим форму B внимательнее.

intermediate link between the premises and the conclusion is a second representation of the link between the thing and the characteristic mark of its characteristic mark. This would again rob the representation of objects and their characteristic marks of clarity. Moreover, in effect the inference would arise only in appearance (in language form) but not in essence since the resulting judgement would stem exclusively from representation induced by other judgements. Could Kant have allowed the possibility of such a “rupture”, which would destroy the syllogism? I think not. A strong though not entirely transparent argument in support of this view is the fact that Kant attributes to the syllogism “the power of inference”: in the event of a repeat representation the inference would have lost this power and hence its own nature.

The conclusion obviously flows from the effect of reason, following the highest rule of inference. What, then, is the mechanism of the operation of the rule? I will analyse Kant’s example of syllogistic thinking (for the sake of clarity I will reproduce it in full).

Kant distinguishes and cites two formulations of syllogism: “in the form of judgements” (A) and without such shape (B) (*DfS*, AA 02, p. 48; Kant, 1992b, p. 90):

<p>A. [A]ll that is rational is a mind; the soul of man is rational; therefore, the soul of man is a mind.</p>	<p>B. Being a mind is a characteristic mark of that which is rational; Rational is a characteristic mark of the human soul; Being a mind is a characteristic mark of the human soul.</p>
--	--

In effect, Kant records a kind of dualism of the syllogism: “in the form of judgements” (A), and the second inference (B), which does not have such form. What is B, and how does it relate to A? Let us take a closer look at form B.

• Обращает на себя внимание порядок следования суждений — он нетипичен для первой фигуры и напоминает четвертую. Строго говоря, рассуждение *B* вообще не задает фигуру силлогизма, поскольку содержит четыре термина, а не три. С формальной точки зрения возникает разрыв на местах среднего термина: формальное опосредование отсутствует, силлогизм не образуется и из двух полученных посылок формально вообще ничего не следует. Являет ли собой эта конструкция умозаключение? Текст «Ложного мудрствования...» дает достаточно оснований для очевидно утвердительного кантовского ответа. Значит, для Канта опосредование в *B* есть. Что оно собой представляет? Ответ на этот вопрос обнаруживается при анализе различий «формы суждения» и той, которая, по Канту, таковой не является.

• В посылках обоих рассуждений связки формально носят предикативный характер («есть»). Однако в форме *B* появляется термин «признак». Каков его формальный статус в суждениях? Можно предположить, что он является частью термина «есть признак», семантически эквивалентного термину «присущ» («является признаком предмета» значит «присущ ему»). Если предположение верно, то посылки носят реляционный (не атрибутивный) характер, термин «есть признак» выражает отношение между двумя субъектами суждения. В чем специфика этого отношения? Оно неформально — это отношение между объектами, мыслимыми в суждении, но не между объемами понятий¹³. Посылки формы *A* содержат предикативные связи между понятиями, подчиняющиеся правилу *Dictum* (формальные связи (AA 02, S. 49; Там же, с. 26)), а посылки формы *B* — неформальные связи между объектами, репрезентируемыми терминами. Эти связи носят онтологический характер, и все суждение есть мысль об объектах реальности и бытийных связях между ними¹⁴.

¹³ Признак «быть духом» присущ человеческой душе, но не понятию души.

¹⁴ В отличие от «формы суждений», в которой предикативная связка фиксирует формальное отношение между понятиями.

• One is struck by the sequence of judgements, which is atypical of the first figure and is reminiscent of the fourth figure. Strictly speaking, argument *B* does not have the syllogism form because it contains four and not three terms. From the formal point of view, a rupture occurs in the places of the middle term: formal mediation is absent, the syllogism is not formed, and formally nothing can be deduced from the two premises. Is this construction an inference? The text of “The False Subtlety” gives adequate grounds for a patently affirmative Kantian answer. So, for Kant, there is mediation in *B*. What exactly is it? The answer comes out in the analysis of the differences between “the form of judgement” and that which, according to Kant, is not.

• In the premises of both arguments the links have the predicative form (“is”). But in *B* the term “characteristic mark” crops up. What is its formal status in judgements? It may be a part of the term “is a characteristic mark” which is semantically equivalent to the term “is inherent in.” If this supposition is valid, the premises have a relational (not attributive) character, and the term “is a characteristic mark” expresses the relation between two subjects of the judgement. What makes this relation special? It is informal, being a relationship between objects thought in the judgement, but not between the volumes of the concepts.¹³ The premises in form *A* contain predicating links between concepts which conform to the *Dictum* rule (formal links: *DfS*, AA 02, p. 49; Kant, 1992b, p. 91), and the premises in form *B* contain informal links between objects represented by the terms. These links have an ontological character and the whole judgement is about the objects of reality and the being links between them.¹⁴

¹³ The characteristic mark “being a mind” refers to the human soul and not to the concept of soul.

¹⁴ As distinct from “the form of judgement”, in which the predicating link fixes the formal relation between concepts.

• Теперь несложно решить вопрос о наличии опосредования в форме *B*. В качестве среднего термина выступает «разумное», однако не как понятие, но как объект соответствующей онтологии. В данном случае это признак. Опосредование в *B* носит не формальный (логический), а онтологический характер. Существуют, видимо, два типа опосредования в умозаклучениях: формальное и неформальное — онтологическое.

• Здесь, однако, возникает еще одна проблема. Если связи в посылках носят неформальный характер, то истинное заключение может быть гарантировано только при некоторых онтологических допущениях, задающих параметры реальности, в границах которой подобные связи будут отражать существующее и неизменно воспроизводящееся положение дел (при обобщении подобная форма умозаклучения может оказаться дающей ложное заключение из истинных посылок¹⁵). Что это за допущения? Видимо, такой онтологической пресуппозицией является положение, зафиксированное в правилах NN и RN: если в онтологии положение дел таково, что признак признака вещи есть признак вещи или то, что противоречит признаку (несовместимо с ним), противоречит и самой вещи (несовместимо с ней), то «онтологический силлогизм» гарантирует истинность заключения при истинности посылок. Именно в силу онтологического характера умозаклучений по форме *B* работают правила NN и RN.

Таким образом, форма *B* конститутивна для умозаклучения. По сути, Кант показывает, что построение вывода основывается на онтологических отношениях объектов и оперировании этими отношениями в мышлении — именно на этом пути высвобождается сила вывода. Остается открытым вопрос о механизме ее действия. Этот механизм, как представляется, может разворачиваться одним из двух способов:

¹⁵ Так, если на место термина «есть признак» подставить другое отношение, например «любит», то получим умозаклучение с проблематично истинным заключением (А любит В, В любит С, значит, А любит С).

• We can now readily answer the question as to whether there is mediation in form *B*. The middle term is “reasonable”, not as a concept, but as the object of corresponding ontology. In this case, it is a characteristic mark. The mediation in *B* is not formal (logical) but ontological. There seem to be two types of mediation in inferences: the formal and the informal, or ontological.

• Here, however, another problem crops up. If the links in the premises have an informal character, a true conclusion can be guaranteed only if certain ontological allowances are made which fix the parameters of reality within which such links would reflect the existing and invariably reproduced state of affairs (in generalisation, this form of inference may end up delivering a false conclusion from true premises¹⁵). What are these allowances? Such an ontological presupposition is the situation recorded in rules NN and RN: while in ontology, the situation is that a characteristic mark of a characteristic mark of a thing is a characteristic mark of the thing, or that which contradicts the characteristic mark (is incompatible with it) contradicts the thing itself (is incompatible with it), the “ontological syllogism” guarantees a valid conclusion if the premises are true. Rules NN and RN work owing to the ontological character of inferences in form *B*.

Thus, form *B* is constitutive for an inference. In fact, Kant shows that a conclusion can proceed from the ontological relations between objects and the handling of these relations in thinking, which unlocks the power of inference. The question of the mechanism of its action remains open. The mechanism may unfold in one of two ways:

¹⁵ Thus, if in place of the term “is a characteristic mark of” a different relation is substituted — for example “loves” — we get an inference of dubious validity (A loves B, B loves C, hence A loves C).

1. В виде произвольного (намеренного) применения высшего правила мыслящим существом. В этом случае должен, очевидно, развернуться следующий формальный силлогизм: признак признака есть признак вещи, *A* есть признак признака, значит, *A* есть признак вещи. В этом случае онтологический силлогизм включает в себя формальный и оказывается несовершенным (включает промежуточное заключение¹⁶).

2. Высшее правило есть некая априорная форма мышления¹⁷, обеспечивающая принципиальную возможность получения опосредованного знания, она действует как любой врожденный механизм — вне произвольной активности рассуждающего. Перефразируя самого Канта, можно отметить, что, по подобию категорий рассудка и форм пространства и времени, высшее правило «суть не более как формы мышления, содержащие в себе лишь логическую способность *a priori* объединять в одно сознание многообразное», данное в посылках (В 306; Кант, 2006, с. 403–405). Если высшее правило действует как априорная форма, то онтологический силлогизм по первой фигуре является совершенным.

Нет достаточных оснований полагать, что априоризм (Ойзерман, 2001) у докритического Канта предполагал действие высших правил умозаключений. Однако в равной мере нет оснований и для признания неаприорного характера этих правил. Кроме того, универсальность

¹⁶Посылка 1: *A* есть признак *B*.

Посылка 2: *B* есть признак *C*.

Заключение 1: Значит, *A* — это признак признака предмета *C*.

Посылка 3: Признак признака есть признак предмета.
Заключение 2: Значит, *A* есть признак *C*.

¹⁷ Высшие правила выступают не как регулятивные нормы, но как естественные законы, по которым функционирует мышление разумных существ постольку, поскольку оно является мышлением об объектах бытия. Вероятно, поэтому в самой процедуре умозаключения субпроцедуры применения высшего правила в кантовском описании нет и, очевидно, не может быть. В этом смысле нельзя согласиться с К. В. Лемешевским: высшее правило эвристикой не является (Лемешевский, 2009, с. 44).

1. As the deliberate application of the highest rule by a thinking being. This would take the form of the following formal syllogism: the characteristic mark of a characteristic mark is a characteristic mark of a thing, *A* is a characteristic mark of a characteristic mark, hence, *A* is a characteristic mark of a thing. In this case, the ontological syllogism includes a formal one, and turns out to be imperfect (includes an immediate inference¹⁶).

2. The highest rule is an *a priori* form of thinking¹⁷ which makes it possible in principle to obtain mediated knowledge; it functions as an inborn mechanism outside the arbitrary activity of the thinking subject. Paraphrasing Kant, it can be said that, like the categories of understanding and the forms of space and time, the highest rule is “nothing other than *forms of thought*, which contain merely the logical capacity for unifying the manifold [...] *a priori*” given in the premises (*KrV*, B 305-306; Kant, 1998, p. 360). If the highest rule acts as an *a priori* form, the ontological syllogism according to the first figure is perfect.

There are no sufficient grounds for believing that apriorism for pre-critical Kant implied the use of the highest rules of inferences (Oizerman, 2001). Likewise, there are no grounds for claiming that these rules are not *a priori*. Furthermore, their universality in inference thinking and the effect of “the power of inference” seem to suggest their inborn

¹⁶Premise 1: *A* is a characteristic mark of *B*.

Premise 2: *B* is a characteristic mark of *C*.

Conclusion 1: Hence, *A* is a characteristic mark of object *C*.
Premise 3: A mark of a mark is a characteristic mark of an object.

Conclusion 2: Hence, *A* is a characteristic mark of *C*.

¹⁷The highest rules are not regulative norms, but natural laws according to which rational creatures think insofar as they think about the objects of being. This may be why, in the procedure of inference, Kant does not describe the sub-procedures of the application of the highest rule. Therefore, I cannot go along with Lemeshevsky (2009, p. 44): the highest rule is not heuristics.

их для умозаключающего мышления и действие «силы вывода» говорят скорее в пользу их врожденного, доопытного характера¹⁸. Косвенный аргумент, поддерживающий данный тезис, находим в статье К. Толли. Автор, основываясь на анализе более поздних, чем «Ложное мудрствование...», работ Канта, утверждает, что законы мышления у Канта носят не нормативный (предписывающий), а конститутивный характер: правила типа NN определяют, что такое вывод, и обеспечивают канон для различения вывода и не-вывода; если нечто не соответствует законам логики, то оно умозаключением не является (Tolley, 2006, p. 391).

Таким образом, когнитивная модель нисходящего умозаключения, отражающая его конститутивные признаки, может быть описана следующим образом: опосредование в силлогизме носит онтологический (неформальный) характер, выражающийся в фиксации (не)присущности некоторого признака предмету и другого признака — этому признаку (посредником выступает признак как объект онтологии); в силу этого актуализируется (целенаправленно или непроизвольно) высшее правило умозаключения об отношении предмета и признака признака, делающее очевидным для рассуждающего способ связи частей посылок в заключении, высвобождается «сила вывода»; происходит осознанное связывание признака признака и предмета, конструируется новое суждение.

4.3. Осуществляются ли силлогистические акты естественного мышления в соответствии с моделью?

Кант оценивает первую фигуру как совершенную, поскольку в процедуру умозаключения по ней не примешиваются, с его точки

¹⁸ Возможно, именно такой характер действия правил NN и RN лежит в основании представлений Канта о том, что умозаключения по несовершенным фигурам совершаются на основе их редукции к силлогизмам по первой фигуре.

and pre-experience character.¹⁸ Clinton Tolley makes an indirect argument in favour of this thesis. Proceeding from the analysis of Kant's works written after "The False Subtlety", he claims that, for Kant, the laws of thinking are not normative (prescriptive) but constitutive: rules of the NN type define what inference is and provide a canon for distinguishing a conclusion from a non-conclusion; if something does not correspond to the laws of logic, it is not an inference (Tolley, 2006, p. 391).

Thus, the cognitive model of descending inference, in terms of its constitutive features, can be described in the following way: mediation in a syllogism has an ontological (non-formal) character expressed in the fixing of the (non-)presence of a characteristic mark in the object and another characteristic mark of that characteristic mark—the mediator is a characteristic mark as an object of ontology; this actualises (wittingly or unwittingly) the highest rule of inference with respect to the object and the characteristic mark of a characteristic mark, which makes evident to the speaker the mode of the link between parts of premises in the conclusion, such that the "power of inference" is released; the characteristic mark of a characteristic mark is consciously linked with the object (a new judgement is constituted).

4.3. Do Syllogistic Acts of Natural Thinking Follow a Model?

Kant considers the first figure to be perfect because no external procedures interfere with the inference procedure. In other words, in thinking according to the first figure, the highest rules function obviously and immediately, ensuring a direct transition

¹⁸ Perhaps this character of the action of rules NN and RN is the basis of Kant's view that inferences according to imperfect figures are made on the basis of their reduction to first-figure syllogisms.

зрения, никакие иные процедуры. Иными словами, в рассуждениях по первой фигуре высшие правила функционируют явно и непосредственно, обеспечивая прямой переход от одного крайнего члена триады терминов посылок к другому (в форме интеллектуальной операции — одноактной процедуры).

Однако, как представляется, есть существенное препятствие для столь тривиальной трактовки процедуры перехода: «формы суждений», фиксирующие формальные отношения понятий, маскируют онтологические отношения соответствующих объектов и — следует предположить — ослабляют непосредственное действие высших правил для рассуждающего, если не исключают его полностью. Применительно к естественным умозаклучениям возникает своего рода дуализм формы и сущности умозаклучений. Означает ли это, что «сила вывода» перестает быть действующей силой, самопорождающей заключение? Работают ли высшие правила, когда посылки сформулированы в «форме суждений»? В рамках когнитивного подхода к анализу идей «Ложного мудрствования...» центральный вопрос состоит в следующем: если посылки и заключения естественных умозаклучений выражаются в «форме суждений», которая отличается от конститутивной (онтологической) формы силлогизма как формы познания, то как разворачиваются реальные умозакключающие процедуры?

Для нисходящих силлогизмов видятся возможными несколько механизмов:

1. Естественные умозаклучения могут основываться непосредственно на оперировании формальными отношениями терминов по правилам *Dictum*, производным от NN и RN. Учитывая, что языковая форма естественной мысли экстенциональна, можно предположить, что при встрече с когнитивной задачей индуцируется именно этот механизм. Ориентация на формальные связи понятий в определенном смысле «уводит» мысль от отражаемой в них реальности, мышление приобретает характер

from one extreme member of the triad of terms to another (in the form of an intellectual operation, which is a one-act procedure).

However, there is a serious obstacle in the way of such a trivial depiction of the transition procedure: the “forms of judgements”, which fix the formal relations between concepts, mask the ontological relations between corresponding objects and thus weaken, if not nullify, the immediate effect of the highest rules for the thinker. This creates a kind of dualism of form and essence for natural inferences. Does it mean that the “power of inference” ceases to be an active power which generates the conclusion? Do the highest rules work when the premises have the “form of judgements”? From the perspective of the cognitive approach to “The False Subtlety”, the central issue is as follows: if the premises and conclusions of natural inferences are expressed in “the form of judgements”, which differs from the constitutive (ontological) form of the syllogism as a form of cognition, how do real inference procedures unfold?

For descending syllogisms, I see several possible mechanisms:

1. Natural inferences can be based directly on operations with the formal relations of terms according to *Dictum* rules derived from NN and RN. Considering that the language form of natural thought is extensional, it is fair to assume that an encounter with this cognitive task triggers precisely this mechanism. Orientation toward formal links between concepts, in a certain sense, “diverts” thought from the reality they reflect, such that thought acquires the character of manipulations of terms. In this case, the resulting judgement is unlikely to express new knowledge since it is detached from “perceptions”. What comes to the fore is the logic of formal relations of whose cognitive potential Kant was rather skeptical

манипуляций терминами. В этом случае получаемое суждение едва ли выражает новое знание, так как оторвано от «созерцаний». Здесь выступает на первый план логика формальных отношений, возможности которой в познании Кант оценивал весьма скупно (см.: Mosser, 2004, p. 3). Совершенство первой фигуры при этом сохраняется (вставочные процедуры не возникают), так как связь крайних терминов устанавливается, по существу, на основании свойства транзитивности логической связи. Именно этот путь кажется соответствующим реалиям естественного мышления. Однако Кант скорее усматривает иной механизм — тот, который обеспечивает актуализацию высших правил: в противном случае он едва ли утверждал бы невозможность вывода по утвердительным модусам четвертой фигуры (AA 02, S. 54; Кант, 1994б, с. 32). Назову этот путь опосредованным.

2. Опосредованный путь — через своего рода онтологический «перевод» посылков. Мыслящий агент осуществляет интерпретацию посылков и получает форму, в которой могут прямо действовать правила NN и RN: «Душа человека разумна» переводится как «Душа человека имеет признак “быть разумной”»¹⁹. Однако онтологические отношения в «формах суждений» имплицитны, и их экспликация — самостоятельная когнитивная задача. Как она решается, если онтологическое обращение действительно является механизмом естественных рассуждений?

А. Учитывая, что суждение является результатом чувственного познания, можно предположить, что обращение происходит «автоматически»: языковые конструкции актуализируют отлитые в них созерцания — применительно к каждой посылке наблюдается своего рода повторное представление, выступающее своеобразным «онтологическим переводчиком»

¹⁹ В «Ложном мудрствовании...» Кант приводит два различных варианта онтологических формулировок посылков (AA 02, S. 48, 51; Кант, 1994б, с. 25, 29): (а) «А есть признак В» и (б) «В имеет признак А». Прямотому разворачиванию правил NN и RN соответствует форма (а). Именно ее Кант противопоставляет «форме суждений»; форма (б), напротив, в тексте предлагается как некая параллель «форме суждений».

(cf. Mosser, 2004, p. 3). The first figure remains perfect (no extra procedures are inserted) since the link between the major and the minor terms is established basically on the grounds of the transitivity of logical connection. This path appears to correspond to the realities of natural thinking. But Kant seems to see a different mechanism, one that actualises the highest rules: otherwise, he would hardly maintain that it is impossible to draw a conclusion from affirmative modes of the fourth figure (*DfS*, AA 02, p. 54; Kant, 1992b, p. 97). I will call this a mediated path.

2. The mediated path is a kind of ontological “translation” of premises. The thinking agent interprets the premises to get a form in which rules NN and RN apply directly: “The soul of man is rational” translates as “The soul of man has the characteristic of “being rational””.¹⁹ However, ontological relations in “the forms of judgement” are implicit, such that their explication is a cognitive task in its own right. How is it tackled if ontological conversion is indeed the mechanism of natural reasoning?

A. Keeping in mind that a judgement is the result of sensible cognition, it is fair to assume that the conversion takes place automatically: language structures actualise those perceptions cast in them. For each premise, there is a kind of repeat representation which is an “ontological translator” of formal objects (descriptive and logical terms in the premises). It is possible that Kant would have allowed such a cognitive “seesaw” for natural processes.

¹⁹ In “The False Subtlety”, Kant cites two variants of the ontological formulation of premises (*DfS*, AA 02, p. 48, 51; Kant, 1992, p. 90, 94): (a) “A is the characteristic mark of B” and (b) “B has the characteristic mark of A”. Direct use of rules NN and RN is matched by the form a). Kant opposes it to “the form of judgements”; form (b), on the contrary is offered in the text as a parallel to “the form of judgements”.

формальных объектов (дескриптивных и логических терминов в посылках). Есть некоторая вероятность того, что Кант допускал бы возможность таких познавательных «качелей» для естественных процессов.

Б. Иной вариант развертывания опосредованной процедуры предполагает произвольность рассуждающего в осуществлении онтологического преобразования посылок: каждая посылка направленно преобразуется в онтологическую форму для последующего произвольного же применения высшего правила. Такого рода схоластические упражнения ума выглядят чрезвычайно искусственными — сложно допустить их возможность для естественного мышления вне некоторых образовательных инициатив. Вместе с тем подобный способ, заданный алгоритмически и описанный необходимым сводом правил, может служить хорошей эвристикой при освоении навыков построения силлогистических выводов²⁰.

В возможной когнитивной силлогистике рабочим в оценке развертывания естественных умозаключающих процедур является, очевидно, вариант 2-А: Кант фактически прямо демонстрирует его (AA 02, S. 51; Там же, с. 29), используя вторую форму онтологического силлогизма²¹. Косвенно это подтверждается суждением о невозможности выводов по утвердительным модусам четвертой фигуры: если бы действовало правило *Dictum*, выводы следовало бы признать возможными. В первой фигуре степень маскировки конститутивной структуры силлогизма минимальна — формальная

²⁰ Замечу, что подобное дидактическое средство не используется при обучении традиционной логике.

²¹ Стоит отметить, что в случае, если бы Кант был последователен в представлении онтологической формы силлогизма, то есть признавал бы в качестве таковой только ту, которая точно воспроизводит сформулированные им правила NN и RN (AA 02, S. 48; Кант, 1994б, с. 25), вариант 2-А был бы не менее проблемным, чем заключения по несовершенным фигурам, так как предполагал бы обращение — не формальное, а онтологическое — посылки при переводе их из «формы суждения» в конститутивную силлогистическую форму: Душа человека разумна → Душа человека имеет признак разумности → Разумность есть признак души. Аналогично и с меньшей посылкой.

В. Another variant of a mediated procedure implies the arbitrariness of the thinker in the ontological transformation of the premises: each premise is purposefully converted into ontological form for arbitrary use of the highest rule. Such scholastic mind exercises look highly artificial: natural thinking is hardly capable of them without educational initiatives. At the same time, this method, provided with an algorithm and described in a code of rules, may be good heuristics in learning the skill of making syllogistic inferences.²⁰

Variant 2-A may work in a possible cognitive syllogistics assessing natural inference procedures: Kant practically demonstrates this (*Dfs*, AA 02, S. 51; Kant, 1992b, p. 94) using the second form of ontological syllogism.²¹ It is indirectly confirmed by the claim that it is impossible to derive conclusions using the affirmative modes of the fourth figure: if the *Dictum* rule applied, conclusions would have to be recognised as possible. In the first figure, the degree of masking of the constitutive structure of the syllogism is minimal; the formal and ontological (second variant) forms are closest to each other and sufficiently indistinguishable to enable the use of the highest rule without introducing intermediate judgements into the procedure.

At the same time, the expression of an inference in “the form of judgements” as a possible important consequence has the

²⁰ Parenthetically, such a didactic tool is not used in the teaching of traditional logic.

²¹ It is worth noting that if Kant were consistent in presenting the ontological form of syllogism, i.e. recognised only the form exactly reproducing his rules NN and RN (*Dfs*, AA 02, p. 48; Kant, 1992, p. 90), variant 2-A would have been no less problematic than inferences according to imperfect figures since it would presuppose the conversion — not formal but ontological — of premises from “the form of judgement” into a constitutive syllogistic form: The soul of man is rational → The soul of man has the characteristic mark of rationality → Rationality is the characteristic mark of the soul. Ditto the lesser premise.

и онтологическая (второй ее вариант) формы наиболее близки друг другу, и мера их неразличимости достаточна для индуцирования высшего правила без внесения в процедуру промежуточных суждений.

Вместе с тем выражение умозаключения в «форме суждений» в качестве вероятного важного следствия имеет возможность манипулирования терминами посылок и умножение числа способов репрезентации умозаключений в естественных рассуждениях — рассуждения по различным фигурам силлогизмов. Они в этой связи приобретают особый когнитивный статус.

Каков когнитивный статус второй — четвертой фигур и правила *Dictum*? Необходимыми признаками «незаконных» фигур, очевидно, являются следующие:

- их источник коренится в формулировании естественных умозаключений в форме суждений, эксплицирующей формальные отношения терминов посылок и порождающей возможность перестановки этих терминов;

- они не допускают прямого действия высших правил: актуализация NN и RN возможна только путем преобразований через включение промежуточных процедур (в частности, непосредственных выводов);

- в силу вышесказанного в структурном отношении они представляют собой составные процедуры;

- они имеют место в естественных рассуждениях, но по этим «фигурам можно получать правильный вывод... только окольным путем» (AA 02, S. 55; Там же, с. 34).

- выводы по ним возможны только при условии процессуальной возможности их редукции к совершенной фигуре; если нельзя редуцировать к первой фигуре, то «суждения мои не приведут к выводу» (AA 02, S. 52; Там же, с. 30); поэтому в утвердительных модусах четвертой фигуры «совершенно ясно бросается в глаза, что суждение, содержащее вывод, в том его виде, в каком оно перед нами, вообще не может вытекать из посылок» (AA 02, S. 54; Там же, с. 32).

Обсуждая умозаключения по незаконным фигурам, Кант подчеркивает, что рассуждения по ним строятся посредством преобразова-

possible result that the terms of premises are manipulated, and the number of ways of representing inference in natural discourse — reasoning according to the various figures of syllogisms — is multiplied. In this respect, the syllogism figures receive a special cognitive status.

What is the cognitive status of figures II–IV and the *Dictum* rule? The following are the clearly necessary features of “illegitimate” figures:

- they are rooted in the formulation of natural inferences in the form of judgements explicating the formal relations between terms of premises and making possible the permutation of these terms;

- they do not permit of direct action of the highest rules: actualisation of NN and RN is only possible through transformations that include intermediate procedures (in particular, immediate inferences);

- on the strength of the above, structurally they are composite procedures;

- they occur in natural reasoning, but for these figures “valid inferences may be drawn [...] only indirectly” (*DfS*, AA 02, p. 55; Kant, 1992b, p. 99).

- Inferences according to them are possible only if there is a processual possibility to reduce them to a perfect figure; if they cannot be reduced to the first figure “my propositions do not form a valid inference” (*DfS*, AA 02, p. 52; Kant, 1992b, p. 95); this is why, in the affirmative modes of the fourth figure, “it is obvious that the conclusion, as it is presented here, cannot follow from the premises at all” (*DfS*, AA 02, p. 54; Kant, 1992b, p. 97).

Discussing inferences according to illegitimate figures, Kant stresses that discourse according to them involves transforming them through certain mental acts into the first figure, and drawing a conclusion on the basis of rules

ния их путем некоторых мыслительных актов к первой фигуре и построения вывода на основании правил NN и RN. В этом случае правила *Dictum*, основанные на экстенциональных связях терминов посылок, становятся некими фантомами, не существующими в естественном мышлении. С другой стороны, Кант, обсуждая в «Ложном мудрствовании...» правила *Dictum* в контексте отношений этих правил с NN и RN, подчеркивает, что *Dictum* обосновывается через высшие правила, то есть является производным от них. Значит, *Dictum* функционирует в качестве правила умозаключений.

5. Заключение

Возникает вполне очевидная коллизия. Причину ее можно усмотреть в неразличении Кантом модельной и фактической (естественной) форм умозаключений²². По-видимому, попытка реконструировать когнитивные следствия идей «Ложного мудрствования...» приводит к обнаружению двух самостоятельных «пластов» проблемы умозакрывающих актов: конститутивно-гносеологического и собственно когнитивно-психологического. Если рассматривать умозаключение как универсальный для разумных существ инструмент познания, то оно должно строиться на основании высших правил, опосредования признаков и, следовательно, по первой фигуре; выводы по остальным фигурам возможны только в силу их редуцируемости к первой (кроме невозможных, по Канту, модусов *Baroco* и *Bocardo*). Если же рассматривать силлогизм как феномен мыслительной деятельности разумного, но несовершенного индивида, то заключения могут быть получены на основании правил *Dictum* в связи с тем, что умозаключения представлены в форме суждений. Дифференциация конститутивного и феноменального ракурсов дает следующую картину признаков умозакрывающей деятельности:

²² По-видимому, схожая мысль есть у Беслера, который подчеркивает, что «представление модели силлогического вывода, не являющейся первой фигурой... не соответствует тому, что происходит на самом деле в “когнитивной реальности”» (Besler, 2022, p. 200).

NN and RN. In this case, *Dictum* rules based on extensional links between the terms of premises turn into phantoms which do not exist in natural thinking. On the other hand, in “The False Subtlety”, discussing *Dictum* rules in the context of the relations of these rules with NN and RN, Kant stresses that *Dictum* is grounded through the highest rules, i.e. is derived from them. Hence, *Dictum* functions as a rule of inference.

5. Conclusion

An obvious contradiction arises. The reason may be Kant’s failure to distinguish model and actual (natural) forms of inference.²² Evidently, the attempt to reconstruct the cognitive consequences of ideas in “The False Subtlety” uncovers two independent “layers” of the problem of inference acts: the constitutive-epistemological and cognitive-psychological proper. If we consider the inference to be a universal tool of cognition used by intelligent creatures, it should be based on the highest rule, mediation of characteristic marks, and, consequently, according to the first figure; conclusions according to other figures are possible only because they can be reduced to the first figure (except the *Baroco* and *Bocardo* modes, which Kant considers impossible). If we consider the syllogism as a phenomenon of thinking of a rational but imperfect individual, inferences can be obtained on the basis of *Dictum* rules because conclusions may be represented in the form of judgements. Differentiation of the constitutive and phenomenal approaches yields the following picture of the characteristic marks of inference activity:

²² Besler (2022, p. 200) is thinking on the same lines when he writes that “the representation of a non-first-figure pattern of syllogistic inference [...] fails to correspond to what actually happens in ‘cognitive reality’”.

Конститутивные признаки акта умозаключения	Феноменальные (когнитивные) признаки акта умозаключения	Constitutive marks of the inference act:	Phenomenal (cognitive) marks of the inference act:
<ul style="list-style-type: none"> • Основания укоренены в структуре бытия, отраженной в категориях «предмет» и «признак». • Посылки и заключение фиксируют неформальные отношения между предметом и признаком, признаком и отдаленным признаком и составляют онтологический силлогизм. • Вывод в онтологическом силлогизме осуществляется посредством действия законов мышления (NN и RN), отражающих бытийные связи предметов и признаков. • Только рассуждения по первой фигуре являются сообразными законам мышления. Все прочие фигуры избыточны и незаконны и обеспечивают возможность вывода только через редукцию к первой фигуре. • «Форма суждения» — проблемное место в этой модели, не анализируемое Кантом. Она может быть истолкована как феномен, служащий «мостом» между мышлением как универсальным свойством всякого разумного существа и индивидуальными актами естественных умозаключений. 	<ul style="list-style-type: none"> • «Форма суждения» — способ формулирования умозаключения в естественном мышлении. • Эта форма допускает манипуляции терминами и ведет к вариациям способов рассуждения — фигурам силлогизма. • Конститутивные признаки умозаключения в них не эксплицированы, включая первую фигуру. • В первой фигуре «форма суждения» максимально близка к онтологическому силлогизму; в остальных она маскирует отношения между предметами и признаками. • «Форма суждения» индуцирует рассуждения по правилам <i>Dictum</i> на основе экстенциональных отношений терминов посылок. • Рассуждения по <i>Dictum</i> лишают естественное мышление его конститутивного свойства быть актом познания. • Процедура рассуждения по <i>Dictum</i> основывается либо на редукции несовершенных модусов к первой фигуре, либо на прямых выводах из заданных посылок. • В этом случае рассуждения по <i>Dictum</i> могут вести к ошибкам — неправильным умозаключениям, или логическим паралогизмам, как позже, в «Критике чистого разума», их называет Кант (В 399; Кант, 2006, с. 511). 	<ul style="list-style-type: none"> • Grounded in the structure of being reflected in the categories “object” and “characteristic mark”. • The premises and the conclusion fix informal relations between the object and the characteristic mark, the characteristic mark and the remote characteristic mark, and constitute an ontological syllogism. • The conclusion in the ontological syllogism is achieved through the action of the laws of thinking (NN and RN), which reflect the relations of being between objects and their characteristic marks. • Only reasoning according to the first figure is congruent with the laws of thinking. All other figures are redundant and illegitimate, and make inference possible only through reduction to the first figure. • The “form of judgement” is a problematic element in this model, which Kant does not analyse. It can be interpreted as a phenomenon that provides a “bridge” between thinking as a universal characteristic mark of every intelligent creature and individual acts of natural inference. 	<ul style="list-style-type: none"> • The “form of judgement” is the way of formulating an inference in natural thinking. • This form permits of manipulations with terms and leads to various modes of reasoning, i.e. the figures of syllogism. • The constitutive characteristic marks of the inference in them are not explicated, including the first figure. • In the first figure, the “form of judgement” is the closest approximation to the ontological syllogism; in the other figures, it masks the relations between objects and characteristic marks. • The “form of judgement” induces reasoning according to <i>Dictum</i> rules on the basis of extensional relations between the terms of premises. • <i>Dictum</i> reasoning deprives natural thinking of its constitutive characteristic mark of being a cognitive act. • Reasoning according to <i>Dictum</i> is based either on the reduction of imperfect modes to the first figure, or on direct inferences from the given premises. • In this case, reasoning according to <i>Dictum</i> may lead to errors, i.e. wrong conclusions or “paralogisms”, as Kant would call them later in the <i>Critique of Pure Reason</i> (<i>KrV</i>, В 399; Kant, 1998, p. 411).

Завершая анализ «периферийных» идей трактата «Ложное мудрствование...» подчеркну: в определенном смысле Кант в «Ложном мудрствовании...» задает когнитивные ориентиры изучения силлогистических умозаключений. Соображения, изложенные в трактате, побуждают сформулировать несколько исследовательских проблем, уходящих в плоскость экспериментальной логики и когнитивистики. Строит ли естественное мышление формальные выводы (на основании логических отношений терминов) или скорее оперирует элементами картины мира? Если строит, то применительно ко всем ли четырем фигурам? «Работают» ли в естественном мышлении, и если да, то как именно, на каких основаниях, высшие правила силлогизмов? Является ли рассуждение по первой фигуре своего рода врожденным механизмом умозаключений? Каковы естественные механизмы рассуждений по несовершенным фигурам; имеет ли место редукция к первой фигуре? Являются ли эти механизмы устойчивыми моделями естественных рассуждений или модель индуцируется единичными условиями конкретной мыслительной задачи? Существует ли зависимость между вероятностью ошибочного «вывода» и степенью несходства «формы суждения» модуля с онтологическим силлогизмом? Эти и многие другие вопросы порождаются мыслями, изложенными Кантом в маленьком трактате о фигурах силлогизма и природе умозаключений, и могут стать проблемами когнитивных исследований логических процедур.

Список литературы

- Аристотель. Аналитики первая и вторая / пер. Б. А. Фохта. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1952.
- Баумейстер Ф. Х. Логика / пер. Я. Толмачева. СПб. : Типография Ивана Глазунова, 1823.
- Брюшинкин В. Н. Кант и силлогистика. Некоторые размышления по поводу «Ложного мудрствования в четырех фигурах силлогизма» // Кантовский сборник. 1986. Вып. 11. С. 29–38.

Completing the analysis of “peripheral” ideas in “The False Subtlety”, it must be stressed that, in a certain sense, Kant in “The False Subtlety” sets cognitive benchmarks for the study of syllogistic inferences. The ideas set forth in the treatise stimulate the formulation of several research problems which move into the sphere of experimental logic and cognitive studies. Does natural thinking build formal conclusions (on the basis of logical relations between terms), or rather operate elements of the image of the world? If it does, does it do so with respect to all the four figures? Do the highest rules of syllogisms “work” in natural thinking, and if yes, how, exactly, and on what grounds? Is reasoning according to the first figure an inborn mechanism of inference? What are the natural mechanisms of reasoning according to imperfect figures – does reduction to the first figure take place? Are these mechanisms stable models of natural reasoning, or is the model induced by the one-off conditions of a concrete thought task? Is there a dependence between the probability of a mistaken “conclusion” and the degree to which “the form of judgement” deviates from the model with ontological syllogism? These are only some of the questions generated by the ideas Kant sets forth in this short treatise on the figures of syllogism and the nature of inference, which can inform cognitive research on logical procedures.

References

- Aristotle, 2009. *Prior Analytics. Book I*. Translated by Gisela Striker. Oxford: Clarendon Press.
- Baumeister, F.Ch., 1747. *Elementa philosophiae recentioris usibus inventutis scholasticae accommodata*. Leipzig: Gleditsch.
- Bryushinkin, V.N., 1986. Kant and Syllogistics. Some thoughts about “The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures”. *Kantian Journal*, 11, pp. 29-38. (In Rus.)
- Bryushinkin, V.N., 2004. Kant’s Metapsychologism. *Kantian Journal*, 24, pp. 65-73. (In Rus.)

Брюшинкин В. Н. Метапсихологизм Канта // Кантовский сборник. 2004. Вып. 24. С. 65–73.

Вольф Хр. Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды / пер. М. Б[егичева]. СПб. : Типография Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса, 1765.

Кант И. Логика. Пособие к лекциям // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 8. С. 266–398.

Кант И. Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 2. С. 23–40.

Кант И. Критика чистого разума // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Круглов А. Н. Учение разума Христиана Томазия // «Венская логика» И. Канта / общ. ред. А. Н. Круглова. М. : Канон-Плюс, 2021а. С. 12–30.

Круглов А. Н. Фронтисписы в учебниках логики периода немецкого Просвещения как программные визуальные средства // Логико-философские штудии. 2021б. Т. 19, № 1. С. 12–90.

Круглов А. Н. Логика Христиана Вольфа // «Венская логика» И. Канта / общ. ред. А. Н. Круглова. М. : Канон-Плюс, 2021в. С. 30–49.

Лемешевский К. В. Правилю Nota Notae в силлогистике Канта // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. № 6. С. 39–45.

Луканин Р. К. Органон Аристотеля. М. : Наука, 1984.

Ойзерман Т. И. Учение И. Канта об априорном познании // Кантовский сборник. 2001. Вып. 22. С. 3–29.

Сироткина Л. С. Эпистемологический статус логической процедуры: логическое vs когнитивное? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Политология. Социология. 2021. № 60. С. 15–24.

Besler A. Pre-Critical Kant on Traditional Logic: What is the Mistake in Syllogistic Theory? // *Temasa Erciyes Üniversitesi Felsefe Bölümü Dergisi*. 2022. № 17. P. 192–204. <https://doi.org/10.55256/temasa.1112423>.

Crusius Ch. A. *Weg zur Gewißheit und Zuverlässigkeit der menschlichen Erkenntniß*. Leipzig : Gleditsch, 1762.

Dalla Rosa D. On Rules of Inference in Kant's *Logic* // *Estudos Kantianos*. 2020. Vol. 8, № 1. P. 85–100. <https://doi.org/10.36311/2318-0501.2020.v8n1.07.p85>.

Lambert J. H. *Neues Organon oder Gedanken über die Erforschung und Bezeichnung des Wahren und dessen Unterscheidung vom Irrthum und Schein*. Leipzig : Johann Wendler, 1764. Vol. 1.

Besler, A., 2022. Pre-Critical Kant on Traditional Logic: What is the Mistake in Syllogistic Theory? *Temasa Erciyes Üniversitesi Felsefe Bölümü Dergisi*, 17, pp. 192-204. <https://doi.org/10.55256/temasa.1112423>

Crusius, Ch.A., 1762. *Weg zur Gewißheit und Zuverlässigkeit der menschlichen Erkenntniß*. Leipzig: Gleditsch.

Dalla Rosa, D., 2020. On Rules of Inference in Kant's *Logic*. *Estudos Kantianos*, 8(1), pp. 85-100. <https://doi.org/10.36311/2318-0501.2020.v8n1.07.p85>

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1992a. *Lectures on Logic*. Translated and edited by J.M. Young. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I. 1992b. The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures Demonstrated by M. Immanuel Kant. In: I. Kant, 1992. *Theoretical philosophy, 1755–1790*. Translated and edited by D. Walford. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 85-106.

Krouglov A.N., 2021a. The Teaching of Reason by Christian Thomasius. In: A.N. Krouglov, ed. 2021. *“Venskaya logika” I. Kanta [“The Vienna Logic” by I. Kant]*. Moscow: Kanon+, pp. 12-30. (In Rus.)

Krouglov, A.N., 2021b. Frontispieces in German Enlightenment Logic Textbooks as Programmatic Visual Aids. *Logiko-filosofskie shtudii [Logico-Philosophical Studies]*, 19(1), pp. 12-90. <https://doi.org/10.52119/LPHS.2021.54.16.002> (In Rus.)

Krouglov A.N., 2021c. Christian Wolff's Logic. In: A.N. Krouglov, ed. 2021. *“Venskaya logika” I. Kanta [“The Vienna Logic” by I. Kant]*. Moscow: Kanon+, pp. 12-30. (In Rus.)

Lambert, J.H., 1764. *Neues Organon oder Gedanken über die Erforschung und Bezeichnung des Wahren und dessen Unterscheidung vom Irrthum und Schein*. Leipzig: Johann Bendler.

Lemeshevsky, K.V., 2009. The Nota Notae Rule in Kant's Syllogistic. *IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and Social Sciences*, 6, pp. 39-45. (In Rus.)

Lu-Adler, H., 2015. The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures Demonstrated by M. Immanuel Kant. In: J. Wuerth, 2015. *The Cambridge Kant Lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 543-545.

Lukanin, R.K., 1984. *Organon Aristotelya [Aristotle's Organon]*. Moscow: Nauka. (In Rus.)

Mosser, K., 2004. Kant and the Logic of Aristotle. In: *Proceedings of the 2nd Hawaii International Conference on the Arts and Humanities (Conference Paper)*. University of Dayton. [online] Available at: <https://ecommons.udayton.edu/phl_fac_pub/22/> [Accessed 02 April 2024].

Lu-Adler H. The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures Demonstrated by M. Immanuel Kant // The Cambridge Kant Lexicon / ed. by J. Wuerth. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. P. 543–544.

Mosser K. Kant and the Logic of Aristotle // Proceedings of the 2nd Hawaii International Conference on the Arts and Humanities. University of Dayton eCommons. 2004. URL: https://ecommons.udayton.edu/phl_fac_pub/22 (дата обращения: 19.10.2023).

Tolley C. Kant on the Nature of Logical Laws // Philosophical Topics. 2006. Vol. 34, № 1–2. P. 371–407.

Vanzo A. Kant's False Subtlety of the Four Syllogistic Figures in its Intellectual Context // The Aftermath of Syllogism / ed. by L. Gili, M. Sgarbi. L. : Bloomsbury Press, 2018. P. 157–190.

Vatavu M. Kant's Innovative Theory of Judgment and Cognition in the False Subtlety of Syllogistic Figures // Kant-Studien. 2019. Bd. 110, H. 4. S. 527–553. <https://doi.org/10.1515/kant-2019-4001>.

Wilson K.D. The Mistaken Simplicity of Kant's Enthymematic Treatment of the Second and Third Figures // Kant-Studien. 1975. Bd. 66, H. 4. S. 404–417. <https://doi.org/10.1515/kant-1975-0171>.

Об авторе

Людмила Сергеевна **Сироткина** – кандидат философских наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: LSirotkina-Primak@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4394-1516>

Для цитирования:

Сироткина Л.С. Блуждание в фигурах силлогизма: О возможной когнитивной силлогистике Канта // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 1. С. 7–39.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-1-1>

Oizerman, T.I., 2001. Kant's Doctrine of a Priori Knowledge. *Kantian Journal*, 1(22), pp. 3-29. (In Rus.)

Sirotkina, L.S., 2021. Epistemological Status of a Logical Procedure: Logical vs Cognitive? *Tomsk State University Journal*, 60, pp. 15-24. (In Rus.)

Tolley, Cl., 2006. Kant on the Nature of Logical Laws. *Philosophical Topics*, 34 (1-2), pp. 371-407. <https://doi.org/10.5840/philtopics2006341/214>

Vanzo, A. 2018. Kant's False Subtlety of the Four Syllogistic Figures in Its Intellectual Context. In: M. Sgarbi and M. Cosci, 2018. *The Aftermath of Syllogism. Aristotelian Logical Argument from Avicenna to Hegel*. London: Bloomsbury, pp. 157-190.

Vatavu, M., 2019. Kant's Innovative Theory of Judgment and Cognition in the False Subtlety of Syllogistic Figures. *Kant-Studien*, 110(4), pp. 527-553. <https://doi.org/10.1515/kant-2019-4001>

Wolff, Ch., 1770. *Logic, or Reasonable Thoughts on the Powers of the Human Understanding and Their Use and Application in the Knowledge and Search of the Truth*. Translated from the German of Baron Wolfius. London: Printed for L. Hawes, W. Clarke, and R. Collins.

Wilson, K.D., 1975. The Mistaken Simplicity of Kant's Enthymematic Treatment of the Second and Third Figures. *Kant-Studien*, 66(4), pp. 404-417. <https://doi.org/10.1515/kant-1975-0171>

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr **Lyudmila S. Sirotkina**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: LSirotkina-Primak@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4394-1516>

To cite this article:

Sirotkina, L.S., 2025. Wanderings in Syllogistic Figures: On Kant's Possible Cognitive Syllogistics. *Kantian Journal*, 44(1), pp. 7-39.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-1-1>

© Sirotkina L.S., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))